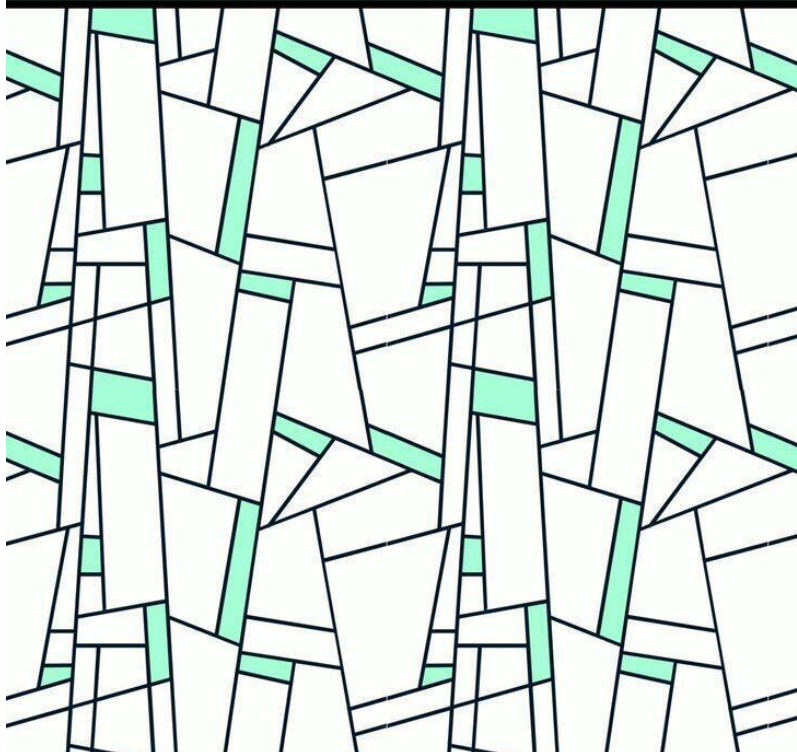

18+ ЕЛЕНА ЯКУШЕВИЧ

Дом у озера

Елена Якушевич

Дом у озера

<https://litres.ru/74291028>

ISBN 9785007079631

Аннотация

После болезненного разрыва жизнь Алины кажется пустой и бесцветной. Неожиданное известие о наследстве — старом доме у озера в живописном Браславском крае — становится шансом. Алина планирует лишь оформить документы и уехать, но природа края и тишина старого дома меняют её планы. Среди зеркальных озер и тихих лесов она неожиданно находит не только исцеление для души, но и новую любовь. Эта история о том, как потеря становится началом, а дом — местом, где сердце наконец обретает покой.

Содержание

Предисловие: Архитекторы миражей	6
Глава 1. Наследство	9
Старший брат	9
Цифровые кочевники	13
Алина	20
Deployed	26
Завещание	29
Предсказание	34
Чемоданное настроение	39
Дорога	44
Деревня аистов	46
Глава 2. Озерный дом	49
Сестры	49
Ужин	52
Марья	59
Распорядитесь по-доброму...	65
Глава 3. Дом, который ждал	69
Дом у озера	69
Наконец-то дома	72
Какое блаженство!	75
Домашние хлопоты	80
Алина обретает покой	84
Рай на земле	89

Глава 4. Возвращение к истокам	93
Новоселье	93
Бездонная ночь	97
Легенды и мифы	100
Водные просторы	107
Остров Чайчин	111
Тихий вечер в доме у озера	118
Разговоры	124
Планы	128
Глава 5. Viva Braslav	130
Масштаб подготовки	130
Незнакомец	133
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Дом у озера

Елена Якушевич

© Елена Якушевич, 2026

ISBN 978-5-0070-7963-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие:

Архитекторы миражей

Отношения редко начинаются с осознания «это на всю жизнь». Скорее, это постепенный процесс: притирка, попытки найти общий язык, признание несовершенств друг друга. Мы строим планы, надеясь на лучшее. Мы начинаем с малого: присматриваемся, пытаемся строить общее пространство, миримся с недостатками друг друга. Это попытка договориться с реальностью, где никто не совершенен. В этом «черновике» отношений всё кажется простым и понятным, пока всё идет гладко.

Однако настоящая проверка на прочность происходит не в спокойные будни, а в момент кризиса. Когда случается беда, когда жизнь требует от нас изменений или сложного выбора, всё наносное слетает. И именно тогда с пугающей ясностью понимаешь: человек, которого ты считал опорой, в трудную минуту просто испаряется. Он уходит, оставляя нас в тишине пустой комнаты. И в этот момент нас накрывает леденящее осознание: мы годами строили замок на зыбучем песке, наотрез отказываясь замечать правду. Мы не смотрели на партнера как на реального человека — мы выступали в роли художников, дорисовывая образ, украшая фасад лепниной своих ожиданий и наделяя его качествами, которых у

него никогда не было. Спустя время становится мучительно больно осознавать, что мы влюбились не в живого человека, а в образ, который сами же и создали. Мы наделили его чертами, которыми он не обладал, нарисовали идеальный портрет, игнорируя реальные контуры личности. Мы отчаянно цеплялись за иллюзию, не замечая, что тот, кто стоял рядом, совершенно иной, а наше «будущее» — лишь плод воображения, в котором не было места настоящему человеку.

Самое горькое — не сам разрыв, а осознание того, что время безвозвратно потеряно, мы потратили его зря, глядя сквозь человека, а не на него. Мы годами жили бок о бок, деля быт и мечты, но при этом были катастрофически слепы. Мы любили мираж, а не личность.

«Дом у озера» — это история о том, что происходит, когда оседает пыль разочарования. Это путь через пустоту, которая необходима, чтобы прозреть.

Ведь часто бывает так: только пройдя через горнило боли, когда старые раны наконец затягиваются, мы вдруг встречаем того, кто меняет всё. И в этот момент, буквально за несколько недель общения, наступает оглушительное осознание: «Боже, как я был (а) слеп (а)!».

Мы вдруг встречаем другого человека и видим его без прикрас и декораций, и он оказывается прекраснее любого придуманного образа. Мы начинаем ценить то, что раньше казалось скучным или обыденным: подлинное внимание, умение слышать, глубокое, тихое сопереживание. Те каче-

ства, которые являются фундаментом настоящей близости, а не строительным материалом для воздушных замков.

Эта книга — приглашение к такой «тишине у озера». Она о том, как перестать проектировать иллюзии и начать замечать тех, кто действительно заслуживает места в вашей жизни. О том, что истинная близость не нуждается в громких декорациях — она проста, чиста и узнаваема, как воздух, которым мы дышим.

Пришло время увидеть не свои проекции, а живого человека напротив. Пришло время строить дом там, где почва действительно тверда.

Глава 1. Наследство

Старший брат

В минской квартире Жени было непривычно тихо. На кухонном столе сиротливо стояли две чашки от кофе. Хозяин квартиры, тридцатидвухлетний хирург, чьи руки в больнице называли «золотыми», сейчас просто бессильно вытянулся на диване. Рядом, поджав ноги, сидела его младшая сестра Вика.

Женя... Глядя на него, Вика всякий раз ловила себя на мысли, как странно время меняет людей, оставляя при этом неизменными самые главные черты.

Вика и Женя выросли в одном доме, в одной тесноте панельной квартиры, где любые острые углы — как в быту, так и в их отношениях — сглаживались именно им. Женя всегда был для сестры чем-то большим, чем просто старший брат. В детстве, когда родители, потомственные врачи, пропадали на бесконечных подработках и ночных дежурствах, он становился для нее всем: нянькой, которая, чертыхаясь, учила ее завязывать шнурки, первым другом, с которым они строили крепости из диванных подушек, и самой незыблемой опорой, какую только можно представить. Он умел взять на себя любой удар, любую ее неудачу, выстраивая вокруг млад-

шей сестры тихую гавань безопасности. И сейчас, даже став взрослым, Женя сохранил эту привычку — идти чуть позади, внимательно оглядывая пространство, будто всё ещё проверяя, не угрожает ли его младшей сестренке какая-то опасность.

Разница почти в восемь лет когда-то казалась непреодолимой пропастью, но теперь, когда они сидели плечом к плечу на одном диване, время словно стерло эту дистанцию. Теперь рядом с ним сидела не маленькая девочка, а коллега — уверенный в себе офтальмолог, только что получивший диплом. Женя, опытный хирург, с тихой гордостью поглядывал на сестру, осознавая, что их профессиональный путь теперь идет параллельно, хотя в его глазах она навсегда останется той самой младшей, которую он готов защищать от любых невзгод. Для него она всё ещё была девчонкой с разбитыми коленками, а не коллегой, которой через две недели предстоит брать на себя ответственность за чужое зрение.

— Жень, ну поедem, — негромко сказала Вика, не глядя на него. — У тебя отпуск, три недели тишины. Мама уже комнату твою подготовила.

— Вик, ты же знаешь, я хочу просто выключить телефон, — Женя закрыл глаза. — Твой «Viva Braslav» — это шум, толпы, басы, от которых дрожат стекла. Мне этого драйва в операционной хватает. Каждый день — как на пороховой бочке.

— Я не из-за фестиваля тебя зову, — Вика повернулась

к нему, и в её голосе прозвучало что-то новое, несвойственное ей — тихая грусть. — Фестиваль — это так, прикрытие. Просто скоро город уснет. Ты же помнишь, как это бывает?

Женя открыл глаза. Он слишком хорошо это помнил. Браслав летом — это яркая обложка журнала: солнце, сапборды, смех на пляжах Дривят. Но стоило наступить холодам, как глянец смывало ледяными дождями. Город становился серым, прозрачным и бесконечно одиноким. Туристы уезжали, закрывались киоски с мороженым, и на пустых улицах оставались только свои. Ветер с озер становился колючим, а вода в них — серой и неприветливой. В такие моменты казалось, что город замирает до следующей весны, а люди в нем превращаются в тени, живущие ожиданием тепла.

— Я боюсь этого затишья, Жень, — вдруг призналась Вика. — Отработка — это долго. Одно дело приезжать туда на каникулы, и совсем другое — остаться там, когда выпадет первый снег и на улицах не останется ни души. Побудь со мной эти последние «живые» недели.

Женя внимательно посмотрел на сестру. Он привык считать её легкомысленной, жаждущей праздника, но сейчас увидел перед собой человека, которому просто страшно перед неизвестностью.

Мы часто живем бок о бок годами, считая, что знаем близких как свои пять пальцев, а потом один честный разговор в сумерках открывает в них целую бездну, о которой ты и не подозревал.

— Хорошо, — мягко сказал он, накрыв её ладонь своей.
— Поедем. Похожу на сапборде по зеркальной воде, пока она ещё теплая. Порыбачу в тишине.

— И с Костей встретишься! — Вика мгновенно приободрилась, и её привычная маска «зажигалки» вернулась на место.

Женя улыбнулся. Ему действительно нужно было это возвращение. Не к празднику, а к истокам. Туда, где среди озер и старых друзей можно было не быть «перспективным хирургом», а снова стать просто Женей, который умеет слушать тишину.

— Ладно, — выдохнул он. — Иди пакуй вещи, «доктор Виктория». Посмотрим, какой он теперь — наш родной город.

Цифровые кочевники

Монитор макбука светился холодным, неестественно синим светом, отражаясь в глазах Алины. На экране белели строки кода, которые сейчас казались ей бессмысленным набором символов. Она смотрела на функцию, отвечающую за обработку транзакций, но вместо переменных видела бесконечную серую ленту своих будней.

В квартире-студии в новом районе Минска стояла тишина, нарушаемая лишь гулом кулера ноутбука и далеким, едва уловимым шумом проспекта за окном. Это была идеальная квартира: светлые стены, дизайнерская мебель, панорамное окно, за которым мерцали огни ночного города. Та самая квартира, на которую она пахала по ночам, доказывая миру и себе, что Senior-разработчик¹ — это не просто должность, а стиль жизни.

Сейчас эта квартира казалась ей тесной клеткой.

Алина откинулась на спинку эргономичного кресла и потерла уставшие глаза. Последние месяцы стали сплошным «дебаггингом» собственной души, только вот компилятор упорно выдавал ошибку.

¹ Senior developer (разработчик) — это программист-профессионал с опытом в разработке не менее 5 лет. При этом не только стаж определяет IT-специалиста этого уровня. У него за плечами обязательно должно быть участие в масштабных проектах, прокаченные навыки и практический опыт.

В их расставании не было бури — ни битья посуды, ни яростных упреков. Оно наступило с обезоруживающей внезапностью, бесшумно, как первый снег, который вдруг закрывает дорогу назад, оставляя тебя стоять в полной растерянности перед неожиданно пустым пространством.

Они были идеальной парой из IT-тусовки. Вместе со студенческой скамьи, общие проекты, общие путешествия с рюкзаками и ноутбуками. Бали, Черногория, Грузия, Италия. Казалось, так будет всегда. Пока Алина не захотела чего-то «статичного», надежного, как база данных с настроенным бэкапом. Она заговорила о семье, о детях, о том, что пора перестать бежать по миру и пустить корни.

Алексей тогда не выказал никаких эмоций, просто промолчал. Он посмотрел на нее с тем же выражением, с каким смотрел на неоптимизированный код: «Алина, это нелогично. Зачем усложнять систему, которая отлично работает?»

Через месяц он съехал. Алина осталась одна, в окружении их общего уюта, который в одночасье стал декорацией к любовной драме.

Долгие годы их жизнь напоминала идеальный коммит в Git², в котором не было ни конфликтов слияния, ни критических багов. Они познакомились еще на втором курсе уни-

² Git — это система контроля версий, которая позволяет отслеживать изменения в файлах проекта и управлять их историей. Она помогает разработчикам работать над проектами совместно, возвращаться к предыдущим версиям и хранить все изменения с комментариями. Git является важным инструментом для командной работы и управления проектами в программировании

верситета, когда Алина пыталась разобраться в рекурсивных алгоритмах, а Алексей, попивая остывший кофе, просто переписал её код за пять минут. С тех пор их пути стали неразрывны. Они вместе прошли стажировки, вместе выросли до уровня сеньоров в одной крупной финтех-компании и вместе же написали заявление на полный remote³, решив, что четыре стены офиса в центре города — это слишком узкая песочница для их амбиций.

Следующие три года превратились в непрерывную череду локаций. Они работали из кафе на Бали, где влажность воздуха заставляла ноутбуки «потеть», арендовали лофты в Батуми, чтобы видеть море прямо из окна рабочего кабинета, и зимовали в Таиланде, переключаясь между задачами под шум тропического дождя. Их жизнь была набором идеальных фото в социальных сетях и бесконечных созвонов в Zoom. Они были «цифровыми кочевниками», парой, которой завидовали все друзья: никаких обязательств, только макбук и безлимитный Wi-Fi.

Со стороны их жизнь казалась идеальной картинкой, но за этим красивым фасадом в отношениях пары программистов постепенно копились скрытые проблемы и недопонимания, которые со временем начали разрушать их союз.

Алина первой почувствовала, что этот бесконечный спринт ее изматывает. Ей надоело собирать жизнь в один чемодан каждые три месяца. Ей стало невыносимо хотеть того,

³ Remote (Eng.) — удаленная работа

что другие называли «рутиной». Однажды, сидя на террасе в стамбульском районе Кадыкёй, она поймала себя на мысли, что больше не хочет искать коворкинги⁴. Она хочет купить набор посуды, чтобы неспешно пить кофе из любимой чашки на своей уютной кухне каждое утро. Она хочет записаться на курсы английского не на месяц, а на год. Она хотела, чтобы их союз перестал быть просто партнерством двух профессионалов и стал семьей.

Она начала говорить об этом осторожно, будто прощупывая почву.

— Леш, может, остановимся? Квартира у нас есть. Заведем кота, ну или хотя бы цветок в красивом горшке, который не нужно перевозить через границу.

Алексей тогда отмахнулся, даже не оторвавшись от терминала.

— Алин, у нас сейчас проект в самом разгаре, ты же видишь. Зачем нам кот? Мы свободны, мы можем работать из любой точки мира. Давай в марте в Китай махнем, я нашел там крутую виллу.

Он не слышал её. Он воспринимал её желание как баг, который нужно просто заигнорить.

⁴ Коворкинг — это офисное пространство, в котором люди из разных сфер и организаций собираются для работы, общения и встреч. Арендовать место в коворкинге может как один человек, так и целая команда. Такие помещения часто оснащены всем необходимым для работы и мероприятий: мебелью, принтерами и иногда компьютерами, интернетом, переговорными, зоной отдыха и приёма пищи.

Алина пыталась объяснить снова. Она рисовала в воображении будущее: выходные без мониторов, дом, где пахнет выпечкой, а не кофе из аэропресса. Она искала поддержки, признания, что их «двухпользовательская операционная система» требует обновления. Но Алексей лишь закрывался, уходя в свои таски⁵, в свои Jira-тикеты⁶, в свой уютный мир, где всё было предсказуемо и понятно.

А потом наступил вторник. Самый обычный день, ничем не отличавшийся от сотен предыдущих.

Алина проснулась рано, выпила кофе, надела наушники и ушла на утреннюю пробежку. Алексей работал. Когда она вернулась через полтора часа, квартира показалась непривычно тихой. Она ожидала увидеть его за столом, с вечно включенным вторым монитором. Но его не было. Алина, все еще сбивчиво дышащая после пяти километров по утреннему городу, сбросила кроссовки, не развязывая шнурков. В ушах все еще пульсировал ритм последнего трека, а в мышцах приятно ныло — привычная, понятная усталость, с которой она привыкла справляться, принимая душ и обсуждая с Алексеем планы на вечер.

⁵ Таски — это просто способ организовать свою работу, чтобы быть более продуктивным и эффективным. Они помогают разбить большие задачи на более мелкие части, что делает работу более управляемой и менее страшной.

⁶ Термин Jira-тикет обозначает базовую единицу работы в системе управления проектами Jira от компании Atlassian. Проще говоря, это задача, баг, запрос или любая другая единица активности, которую нужно отследить, выполнить и проконтролировать.

— Леш, я дома! — крикнула она, по привычке направляясь на кухню, чтобы поставить чайник.

Тишина...

Алина прошла в гостиную. Рюкзак Алексея, тот самый, выдававший виды черный Osprey, с которым они прошли через полмира — от шумных рынков Бангкока до пустынных пляжей Португалии — исчез из угла. На его месте осталась лишь едва заметная потертость на ковре.

Она замерла.

— Леш? — голос прозвучал тише, с надрывом.

Она бросилась в спальню. Шкаф был полупустым. С полки исчезли его любимые футболки, те самые, купленные на распродажах в Берлине, и его запасной макбук. Она рванулась к комоду — ящик с их общими документами был выдвинут, папка лежала сиротливо, но, судя по всему, он забрал свой паспорт и пару карт.

Алина села на край кровати, все еще в потной спортивной форме, чувствуя, как пульс от бега сменяется панической дрожью. Шесть лет. Две тысячи сто девяносто дней. Она вспомнила их последний разговор вчера вечером, за ужином. Она тогда осторожно, боясь спугнуть, вновь завела разговор о том, что, может быть, пришло время остановиться? Он тогда промолчал, лишь чуть сильнее сжал вилку, но в его глазах мелькнуло что-то холодное. Тогда она списала это на усталость.

Она достала телефон. С экрана смотрел их последний сов-

местный снимок — Бали, рассвет, они смеются, прижавшись друг к другу. Алина открыла мессенджер.

«Алексей». Пользователь не найден.

Она судорожно пролистала историю: последние сообщения, фото билетов, список отелей на следующий месяц — всё исчезло. Он не просто ушел — он стер себя из её цифровой жизни, как будто его и не существовало вовсе.

Алина прижала ладони к лицу. Кожа была горячей, но руки дрожали. Отношения, которые они так долго строили в бесконечных перелетах, — эта иллюзия того, что их свобода и есть высшая форма любви, — рассыпались в прах. Он выбрал свою свободу, свою вечную дорогу, где нет места ответственности, нет места «ей». Он просто вышел за дверь, оставив её в квартире, которая внезапно превратилась из их общего дома в ее одинокое убежище.

Она не плакала. Слез не было — только оглушительная пустота и осознание того, что эти шесть лет были для него лишь длинным отпуском, а для неё — целой жизнью, которую он свернул и оставил в коридоре, как ненужный багаж.

Ни записки, ни сообщения, ни даже банального «Прости».

Алина

— Мяу.

Тихий, требовательный звук заставил Алину вздрогнуть. Кошка Дуся потерлась о ноги и прыгнула на колени. Затем, перебирая лапами и выпуская коготки, потопталась, выбирая удобное место, и, свернувшись калачиком, затихла. Алина слушала ее мерное мурчание и улыбалась. Кошка была черно-белой, с нагловатым выражением на морде и удивительно умными глазами. Четыре месяца назад, вскоре после ухода Алексея, Алина нашла её — грязный комок шерсти, дрожащий от холода у мусорных баков возле офиса. Теперь Дуся была холеной, лоснящейся королевой, которая чувствовала настроение хозяйки точнее любого индикатора.

Алина осторожно почесала кошку за ушком. Дуся затахтела громче, как маленький моторчик, и потянулась мордочкой к её руке.

— Ну что, Дуся? — прошептала Алина в пустоту квартиры. — Опять deadlock⁷?

Она снова посмотрела на экран. Заметила сообщение в Slack⁸ от тимлида⁹: «Алин, ты глянула тот рефакторинг¹⁰?

⁷ Deadlock (Eng.) — тупик, застой, безвыходное положение, зайти в тупик

⁸ Slack (слак, слэк) — это корпоративный мессенджер с простым интерфейсом, заточенный под рабочее общение сотрудников внутри команд любого размера. Slack поддерживает личные сообщения, голосовые и видеозвонки, а также груп-

Заказчик ждет апдейт¹¹ утром».

Алина вздохнула. В свои тридцать она достигла всего, о чем мечтают выпускники профильных вузов: отличная зарплата, престижная должность, квартира, машина, возможность много путешествовать и работать откуда угодно. Но сейчас эта «возможность работать откуда угодно» казалась бессмысленной, потому что ехать было некуда. И не с кем.

Она чувствовала себя так, будто её собственная операционная система зависла. Мысли крутились по замкнутому циклу: работа — дом — воспоминания об Алексее — работа.

Алина отвела взгляд от монитора и посмотрела на темный прямоугольник окна. В Минске был поздний вечер. В такие моменты ей хотелось стереть всё. Удалить репозиторий¹² своей жизни, сделать `git reset — hard`¹³, чтобы вернуть

повые чаты.

⁹ Тимлид (от англ. «team lead») — это руководитель команды, который отвечает за управление проектом и координацию работы группы.

¹⁰ Рефакторинг — это процесс изменения внутренней структуры кода без изменения его внешнего поведения, направленный на улучшение читаемости и поддерживаемости программы.

¹¹ Апдейт (update) — это обновление, с точки зрения специалистов по продвижению сайтов, это обновление данных поисковых систем или же самого сайта. Апдейтом поисковых данных занимаются поисковые системы, а сайтов — их разработчики.

¹² Репозиторий — это хранилище кода и данных, которое используется для организации и управления проектами. Репозиторий можно представить как большую книгу, где каждая версия — это отдельная глава, а редактор — это система управления версиями.

ся к точке, где всё еще было просто и понятно, до того как она стала «эффективным Senior-разработчиком» с разбитым сердцем.

Но undo¹⁴ в жизни не работало. Она снова посмотрела на спящую Дусю. Кошка была единственным живым существом в этой квартире, которое не требовало от Алины быть эффективной, умной или успешной. Ей нужно было только тепло.

Алина закрыла крышку ноутбука. Экран погас, погружая комнату в мягкий полумрак. Заказчик подождет. Мир, бесконечно бегущий вперед, тоже подождет. Ей нужно было просто поспать.

Алина поднялась со стула, и мягкий уют кресла сменился прохладой вечернего воздуха.

Она была высокой и стройной, с копной выющихся рыжих волос, которые сейчас напоминали спутанное облако, и удивительно белой кожей, кажущейся почти прозрачной в сумерках квартиры. На ней были простые джинсы и выцветшая футболка с принтом какого-то бородатого программиста, а на ногах — нелепые, пушистые тапочки в виде головы единорога, которые она купила в порыве странного настроения

¹³ Команда `git reset-hard` — один из самых мощных и при этом самых опасных инструментов в Git (Основная функция Git — это отслеживание всех изменений в коде). Она позволяет одним действием изменить историю коммитов текущей ветки и полностью переписать состояние файлов в рабочей директории и индексе, подгоняя их под выбранный коммит.

¹⁴ Английский глагол `undo` переводится как: уничтожать сделанное.

полгода назад.

Дуся, лишившись теплого насиженного места, недовольно мякнула, выгнула спину и демонстративно прошествовала в сторону кухни. Она смотрела на Алину с таким укором, будто та совершила акт предательства вселенского масштаба. Кошка прошествовала с ней, держа хвост трубой, и с обидой уселась у миски, хотя та была полна.

Алина не обратила внимания на кошачий бойкот. Она наполнила чайник, щелкнула кнопкой и принялась наблюдать за тем, как закипает вода. В глубине души она чувствовала себя такой же пустой и гулкой, как эта кухня. Она достала пакетик с травяным сбором — мята, мелисса, немного чабреца — и залила его кипятком.

Аромат разлился по кухне, немного притупляя тревогу. Она подошла к окну. Минск снаружи был похож на матрицу из огней: бесконечные потоки машин, рекламные вывески, свет в сотнях чужих окон. Она пила горячий чай маленькими глотками, чувствуя, как тепло разливается по телу, пытаясь согреть то, что замерзло где-то внутри.

После чая она направилась в ванную. Горячий душ стал лекарством, очищающим не только тело, но и мысли. Она стояла под упругими струями воды, закрыв глаза, позволяя им смыть напряжение последних недель. В этот момент не существовало репозиториев, баг-фикса или недавнего расставания. Была только вода и тишина.

Затем — мягкая фланелевая пижама, прохладная по-

стель. Сон пришел быстро, глубокий, без сновидений.

Но организмом, привыкшим к ночным дедлайнам¹⁵, было сложно управлять волевым усилием. Алина проснулась резко, в три часа ночи, с ощущением, что проспала что-то важное. В комнате было темно, только индикатор Wi-Fi роутера мигал раздражающе ярким зеленым светом.

Она полежала еще минут десять, глядя в потолок, но сон ушел безвозвратно. Алина села на кровати, спустила ноги на пол, ощущая холод ламината. Вздохнув, она поплелась обратно к своему рабочему столу.

— Все, утром сдаю обновление и попрошусь в отпуск, — прошептала она в пустоту, включая монитор. — Сил нет. Да и лето проходит.

Яркий свет экрана снова ударил по глазам, но она уже не сопротивлялась. Пальцы привычно легли на клавиатуру. Алина понимала, что эта усталость была глубже простого недосыпа — это была полная эмоциональная опустошенность, закономерный итог четырех месяцев, прошедших исключительно под знаком работы и бесконечных переживаний. Но пока что в голове не было ни одной мысли, куда можно сбежать от самой себя.

Она запустила терминал и начала вводить команды.

— Пока проект, — сказала девушка, обращаясь к мерцающим строчкам, — а потом я придумаю, где отдохнуть.

¹⁵ Дедлайн (deadline) — установленный крайний срок (дата и/или время), к которому согласованный результат должен быть готов.

В три часа ночи, в тишине уснувшего города, она начала свой последний спринт перед свободой.

Deployed

Восемь утра. Монитор, который еще минуту назад был для нее целой вселенной, превратился просто в прямоугольник стекла. Последняя команда `git push origin master`¹⁶ прошла успешно. Скрипт отработал, тесты сработали, статус Deployed¹⁷ горел победным зеленым цветом.

— Теперь кофе, — прошептала Алина, чувствуя, как реальность начинает возвращаться вместе с гудением кулера.

Она поднялась, ноги казались ватными. Походка была шаткой, словно она только что сошла с палубы корабля, попавшего в шторм. По пути на кухню она на миг замерла, пройдя мимо большого зеркала. Стеклянная гладь беспощадно отразила действительность: бледная кожа, растрепанные волосы, и самое главное — глубокие, пугающие тени под глазами. В ее зеленых глазах, которые Алексей — «будь он проклят в моих воспоминаниях» — когда-то называл глазами лесной колдуньи, сейчас застыла вселенская усталость, граничащая с апатией.

¹⁶ Команда `push origin master` — это мощный инструмент, который позволяет отправлять изменения на удаленный репозиторий и работать совместно с другими разработчиками.

¹⁷ Деплой (Deployed) — это процесс установки новой версии программного обеспечения или обновления существующей на рабочую среду. Он необходим для того, чтобы изменения, внесенные в приложение, были доступны пользователю в производственной среде. Деплой нужен для обновления приложения.

— Забудь его! — зло бросила она в пустоту квартиры. Ее собственный голос прозвучал неестественно громко в утренней тишине. — Он ушел. Глава закрыта!

Алина сжала кулаки, прогоняя образ Алексея, и резко развернулась на пятках, направляясь на кухню. Дуся, словно почувствовав смену настроения, снова вышла на тропу войны, путаясь под ногами и настойчиво требуя внимания, но Алина лишь аккуратно отодвинула ее ногой.

Кофемашина приветливо зашуршала, наполняя комнату плотным, горьким ароматом. Темная жидкость тонкими струйками наполняла чашку — ту самую, любимую, которую ей подарили на прошлый день рождения. Алина открыла холодильник, ловко выудила баночку творога, взяла ложку и поставила все на стол. Потом, обхватив чашку обеими руками, вдохнула пар. Она закрыла глаза. На секунду всё исчезло: работа, дедлайны, звонки, воспоминания об Алексее. Остался только вкус — горький, горячий, настоящий.

Она села на стул, привычно пододвинула второй и закинула на него ноги в растянутых пижамных штанах.

— Как же я устала... — выдохнула она, и этот выдох был тяжелее всех строк кода, написанных за ночь.

Алина пила кофе медленно, чувствуя, как тепло просачивается в каждую клетку тела. Это был вкус свободы. Она прокручивала в голове план: написать сообщение тимлиду, отправить отчет о проделанной работе, закрыть все пулл-рек-

весты¹⁸, сдать билд¹⁹ и — самое важное — нажать кнопку «Выйти из системы» на долгие три недели. Не меньше.

Она уже представляла, как отключит уведомления в Slack и других мессенджерах. Три недели тишины. Три недели без мониторов, без Jira²⁰, без бесконечного потока сообщений. Только она, ее мысли, и, возможно, где-то далеко отсюда — шум моря или шелест соснового бора. Где именно, она пока не знала, но это было неважно. Важно, что сегодня — последний день ее рабства.

Допив кофе, она поставила пустую чашку на стол. Взгляд упал на смартфон. На экране уже висели три непрочитанных уведомления от тимлида. Алина усмехнулась, встала и решительно направилась обратно к рабочему месту. Последний рывок перед отпуском не казался тяжелым. Напротив, в нем появилась приятная острота: она была свободна, даже если они об этом еще не знали.

¹⁸ Пулл-реквест—это механизм совместной работы над проектом в Git, благодаря которому можно внести свои изменения в чужой репозиторий. Это полезный инструмент для тех, кто хочет внести свой вклад в развитие проекта, но не имеет доступа к основной ветке.

¹⁹ Билды — это один из основных инструментов, которым пользуются программисты для создания и поддержки программного обеспечения. Билд представляет собой процесс сборки и компиляции исходного кода программы, который позволяет создать исполняемый файл или пакет программы, готовый к установке или распространению.

²⁰ Jira — это система управления проектами, разработанная компанией Atlassian, которая помогает командам планировать, отслеживать и управлять проектами любого типа.

Завещание

Переговоры с тимлидом заняли ровно десять минут. Алина, обычно склонная к компромиссам, в этот раз проявила удивительную, почти пугающую твердость.

— Три недели, Марк. Без Jira, без почты, без аварийных вызовов. Я выключаю телефон.

— Алина, проект в стадии завершения, ты же понимаешь... — голос Марка в динамике звучал неуверенно.

— Я понимаю, что если не отключусь сейчас, то на следующей неделе вам придется искать нового бэкенд-разработчика²¹, потому что я просто «сгорю» на рабочем месте. А так я вернусь отдохнувшей и эффективной. Выбор за тобой.

— А если что-то критическое? Если prod²² упадет? Как нам тебя найти?

Алина посмотрела в окно, где небо уже окрасилось в спокойный утренний синий.

²¹ Бэкенд-разработчик — это специалист, который отвечает за серверную часть веб-сайтов и приложений. Он реализует внутреннюю логику работы приложения, обеспечивает его взаимодействие с базами данных и внешними сервисами. Бэкенд-разработчик создает и поддерживает серверную часть приложений, отвечающую за бизнес-логику и обработку данных

²² PROD — это аббревиатура, которая может обозначать различные термины в зависимости от контекста, и его интерпретация может различаться в разных областях, таких как технологии, бизнес, образование, география, правительство, право и другие специализированные области.

— Не знаю, Марк. Честно — не знаю. Я уеду туда, где связь ловит через раз, если вообще ловит.

После недолгой паузы Марк тяжело вздохнул:

— Ладно. Сдавай билд, закрывай все тикеты до полудня. Хорошего отпуска, «неуловимая».

Когда она нажала кнопку завершения вызова, мир вокруг, казалось, качнулся. Адреналин, державший ее всю ночь, схлынул, оставив после себя лишь тяжелую, давящую вату в голове. Алина добралась до кровати и провалилась в сон, как в черную бездну.

Ей казалось, что прошло всего пять минут, хотя на деле — около трех с половиной часов. Сон был беспокойным, обрывочным, превратившимся в бесконечный цикл: строки кода, как навязчивый ритм, вспыхивали в темноте и гасли, не давая сознанию погрузиться в покой. А потом в комнату ворвался звук.

Телефон вибрировал на тумбочке, словно бешеный, расцвечивая комнату яркими вспышками экрана.

— Мама... — пробормотала Алина, пытаясь разлепить глаза.

Она знала эту манеру. Мама не просто звонила — она совершала набег на нервную систему. Если Алина не ответит сейчас, то через час на пороге появится либо курьер с вопросом, жива ли хозяйка квартиры, либо, что еще хуже, сама мама с запасным ключом, который когда-то опрометчиво был ей вручен.

Алина поднесла телефон к уху.

— Алина! Ну наконец-то! Я уже думала, ты там в своем компьютере заживо сгнила! — голос матери, звонкий и требовательный, ворвался в тишину комнаты.

Мама. В свои пятьдесят пять она была чистой энергией, воплощенной в человеческом теле. У нее были те же густые волосы, что и у Алины — ярко-рыжие, как заходящее солнце, но теперь с благородными, широкими прядями седины, которые она принципиально не закрашивала. Она была вечно в движении, в делах, в заботах. Сейчас она гостила у родной старшей сестры в Браславе, но, судя по фоновому шуму, сидела не за столом с чаем, а явно стояла на улице, где-то у воды.

— Мам, сейчас только двенадцать... — Алина потерла лицо ладонью. — Ты чего так рано? Что-то случилось?

— Случилось! Еще как случилось! Бросай всё, слышишь? Собирай сумку и дуй в Браслав. Сейчас же!

— Куда? Зачем? Мама, я только в отпуск ушла. Я всю ночь работала, мне спать хочется...

— Спать будешь здесь, у озера! Алина, тут нотариус звонил. Твоя двоюродная бабушка Марья померла полгода назад, а нам только сейчас сообщили, что она оставила завещание. Ты помнишь ее?

Алина замерла. В памяти всплыла картинка: глубокое лето, ей лет десять, они едут по узкой лесной дороге. Высокий, деревянный дом прямо у самой кромки озера. Тихая, высо-

кая женщина в белом платке, которая давала ей пить ключевую воду из алюминиевой кружки. Бабушка Марья всегда была для семьи какой-то далекой и непонятной, почти мифической фигурой. Она жила отшельницей, ни с кем особо не общалась, даже с близкими родственниками.

— Помню... — медленно ответила Алина. — Она же почти ни с кем не разговаривала. Я у нее была как-то проездом всего пару часов. А при чем тут я?

— При том, что она оставила тебе свой дом! — мама перешла на полусшепот, полный драматизма. — Представляешь? Нашла кого сделать наследницей! Никто не знал, что она вообще об этом думала. Нотариус сказал, что завещание составлено шесть лет назад. Дом, участок, причал — всё теперь твое. Алина, это же лакомый кусок, это место на самом берегу озера!

Алина села на кровати, окончательно проснувшись. Тишина квартиры вдруг показалась странной, словно она была лишь декорацией к чему-то более важному.

— Мам, это ошибка. Мы едва знали ее. Почему я?

— Вот приедешь и спросишь у призраков, — отрезала мама, уже слышно было, как она куда-то идет, судя по хрусту гравия под ногами. — Документы нужно оформлять срочно. А я тут у сестры не вечно буду сидеть. Алина, ты меня слышишь? Вставай! Я жду тебя к вечеру. И не смей говорить, что занята. Работа не убежит, а дом — это недвижимость!

Мама отключилась. Алина осталась сидеть с телефоном в

руках, глядя в пустую стену. Отпуск, который должен был стать побегом от всего мира, внезапно обернулся поездкой к прошлому, о котором она почти забыла. Дом у озера. Наследство от женщины, которую она видела лишь несколько раз.

Предсказание

Алина отложила телефон и прикрыла глаза, откинувшись на подушки. Браслав. В памяти мгновенно вспыхнула картинка, будто кто-то нажал кнопку «воспроизведение» на старой киноплёнке.

Это было ровно шесть лет назад. Лето. Конец июля. Фестиваль «Viva Braslav» гремел так, что, казалось, вибрировала сама земля. Они с Алексеем и друзьями танцевали до рассвета, охрипли от песен, музыки и смеха. Это было время беззаботного и бесконечного драйва, когда казалось, что молодость — это неисчерпаемый ресурс.

Они тогда снимали домик в соседней с Браславом деревне, и утром, устав от суеты и толпы, Алина вдруг вспомнила, что у нее здесь, совсем рядом, живет родная сестра ее матери Наталья, а еще, в доме у озера — двоюродная бабушка Марья.

— Слушай, Алексей, — сказала она тогда, потягивая прохладный лимонад. — А ведь здесь, неподалеку, на берегу озера Войсо, живет моя бабушка. Места там — сказочные. Хочешь, съездим? Помнишь, мы говорили о настоящей тишине и красивых видах? В общем, озеро Войсо — это моя любовь с первого взгляда.

Алина коснулась руки Алексея, посмотрела ему в глаза и продолжила:

— Представь: вода настолько прозрачная, что кажется, будто можно разглядеть каждый камешек на дне. Это часть Браславских озер, но там совсем другая атмосфера, не такая шумная, как здесь в городе. Вокруг высокие берега, сосновый бор, и воздух такой, что голова кружится — в самом хорошем смысле. Там безумно красиво из-за холмистого рельефа. Мы могли бы устроить пикник на высоком берегу или просто посидеть, глядя на острова — их там несколько, прямо как в сказке. А если захочется экшена, там отличная рыбалка, и вода для купания считается одной из самых чистых в районе.

Алина перевела дух, немного подумала и выдала новую порцию информации:

— Знаешь, что самое крутое? Недалеко знаменитая гора Маяк. Мы могли бы погостить у бабушки, а потом поехать туда и подняться на вышку, чтобы увидеть всю озерную систему как на ладони — говорят, это лучший вид в Беларуси.

Алексей обнял ее, поцеловал в щеку и тихо сказал:

— Поехали, уговорила.

— Я уже представляю: мы вдвоем, лодка, тишина и закат, который отражается в Войсо. Как думаешь, получится вырваться сюда еще раз? Мне кажется, нам обоим нужно именно такое место, чтобы просто выдохнуть и побыть вдвоем.

Они доехали туда к полудню. Старый дом бабушки Марьи стоял почти у самой кромки воды, старый, но крепкий, словно вросший в этот пейзаж навсегда.

Бабушка Марья тогда встретила их у крыльца. Несмотря на возраст, взгляд ее был острым и пронзительным, как у хищной птицы. Она посмотрела на Алину, и морщины вокруг ее глаз разгладились.

— Алина? — голос у нее был тихий, но уверенный. — Ох, красавица. Сама в молодости была такой же, слово в слово. Те же волосы рыжие, тот же огонь в глазах. Проходи, гостья дорогая.

В доме пахло сушеными травами и земляничным вареньем. Бабушка Марья сутилась, накрывая на стол. Поставила вазочку с вареньем — свежим, ярко-красным, от которого исходил такой одуряющий аромат лесной земляники, что у Алины закружилась голова.

Бабушка вдруг замолчала и посмотрела на гостя. Она все время внимательно наблюдала за Алексеем, который, чувствуя себя здесь лишним, осторожно прохаживался по дому. Он разглядывал потемневшие от времени снимки — на них застыли незнакомые, серьезные лица людей, чьи судьбы когда-то были связаны с этим местом. В воздухе витал густой запах сушеной мяты и зверобоя. Алексей внимательно разглядывал надписи на маленьких, плотно закупоренных баночках, которые стройными рядами заполняли каждую свободную полку в комнате.

— Иди-ка ты, милочка, прогуляйся, — сказала Марья неожиданно твердо. — К озеру сходи, на причал. У нас с Алиной свои, женские разговоры, не гоже тебе их слушать.

Алексей замялся, но под тяжелым взглядом хозяйки спорить не стал — просто кивнул и вышел.

Бабушка Марья подождала, пока скрип досок на веранде затихнет, и пододвинула Алине чашку с чаем. Ее рука, узловатая и сухая, накрыла ладонь Алины.

— Не твой суженый, — сказала она просто, без всякого вступления.

Алина рассмеялась, удивленная прямоотой:

— Бабуль, ну что ты такое говоришь! Мы давно вместе, нам хорошо...

— Слушай меня, — старушка не улыбалась. — Не твой. Пустой он, внутри пустота. Жизни в нем нет, только блеск один. Будет у тебя другой. Высокий, русоволосый, такой, знаешь... спокойный, как это озеро в штиль. Красивый, добрый. А этот — уйдет. А потом у тебя с тем, вторым, будут детки. Две девочки, такие же рыжеволосые, как ты. Две маленькие лисички.

Алина тогда лишь отмахнулась, списав это на старческую эксцентричность. Посмеялась, поблагодарила за чай и уехала, забыв эти слова уже через пару дней.

Но сейчас, спустя шесть лет, сидя в тишине своей квартиры, она отчетливо поняла: бабушка Марья была права. Алексей действительно оказался «пустым» — их отношения закончились глупо и быстро, как только столкнулись с первыми настоящими трудностями. В нем не было того внутреннего стержня, который она тогда, по молодости, даже не ис-

кала.

Алина подошла к зеркалу. Рыжие волосы, усталые глаза. Она усмехнулась собственному отражению. Где-то там, в будущем, должен был появиться этот «высокий, русоволосый» мужчина. Или это была лишь сказка, которую она сама себе выдумала, чтобы оправдать слова одинокой старушки из лесного дома?

— Что ж, бабушка Марья, — тихо прошептала Алина в пустоту квартиры, — посмотрим, что ты там еще нагадала. Пора собираться в дорогу.

Чемоданное настроение

Сборы оказались удивительно быстрыми. Алина двигалась по квартире, словно персонаж в квесте: собирала предметы, складывала их в инвентарь и вычеркивала пункты из мысленного списка.

Ноутбук и зарядное устройство отправились в специальное отделение рюкзака, следом за ними — телефон и тяжелый пауэрбанк. Алина критически оглядела содержимое шкафа. В рюкзак полетело все необходимое для вольной жизни: несколько комплектов белья, запас носков, шорты, ветровка и легкий спортивный костюм на случай вечерней прохлады, любимый сарафан и россыпь футболок. Купальники, конечно, — без них ехать к озерам было бы преступлением. Кроссовки уже ждали у порога, а сланцы и кроксы, потеснив вещи, заняли свое место в глубине рюкзака.

Вдруг она замерла, сжимая в руке футболку. Нотариус. В чем-то спортивном туда идти не с руки. Пришлось пожертвовать местом в рюкзаке ради льняного платья — молочного цвета, прохладного и строгого, — и легких летних туфель, которые она достала с верхней полки.

— Так, что еще? — она перевела взгляд на миску с кормом. — Точно, Дуся. Дуся, мы едем в путешествие!

Кошка, которая до этого момента безмятежно спала на подоконнике, сливаясь с полоской солнечного света, приот-

крыла один желтый глаз. Она даже не шелохнулась, лишь лениво дернула ухом, словно говоря: «Путешествие? Опять? Ну-ну».

— Где твоя переноска? — Алина начала рыться в кладовке, пока Дуся с явным неодобрением наблюдала за суетой.

На кухне пришлось сделать паузу. Алина быстро нарезала салат, проглотила его, почти не чувствуя вкуса, и залпом выпила крепкий кофе. Оставшуюся часть напитка она перелила в термос — в дороге он станет её лучшим союзником. Из холодильника была извлечена бутылка холодной воды.

Уже у самой двери рука сама собой потянулась к сумке с документами. Паспорт. Всё на месте.

Она опустилась на банкетку в прихожей — старая традиция, «присесть на дорожку». Тишина квартиры давила на уши, разбавляемая лишь мерным гулом работающего на кухне холодильника.

«Как-то очень бурно развиваются события», — подумала Алина, глядя на свое отражение в зеркале.

Всего пару часов назад она просто лежала, вспоминая прошлое, а теперь — рюкзак на плечах, а в сердце — необъяснимая тревога, смешанная с предвкушением чего-то неизбежного. Она будто выскочила из привычной колеи, в которой жила годами. Еще вчера она была офисным работником с планами на выходные, а сегодня превратилась в искателя, едущего на зов далеких озер и старых предсказаний. Алина понятия не имела, что именно ждет ее в Браславе и по-

чему бабушка Марья решила оставить дом у озера именно ей. Пришло время выяснить: было ли это мудрым решением покойной или же она просто ввязались в самую странную авантюру в ее жизни.

— Ну что, Дуся, — Алина наконец поднялась, чувствуя, как тяжелеет рюкзак.

Алина еще раз критически осмотрела квартиру. Холодильник закрыт, все вилки вытянуты из розеток — даже для зарядки телефона, которая вечно торчала в коридоре, она не оставила шанса. Краны в ванной и на кухне закручены до упора, в трубах стояла мертвая тишина. Она мысленно поставила галочку напротив пункта «Безопасность».

Закинув тяжелый рюкзак на плечо, она подхватила переноску с Дусей в левую руку и связку ключей в правую. Кошка внутри недовольно заурчала, почувствовав движение, но Алина лишь подбодрила её коротким «Тсс, потерпи, красавица».

Дверь послушно щелкнула замком. Лифт? Нет, не сегодня. Ей хотелось движения, хотелось разогнать кровь, которая еще застаивалась в венах после недавних раздумий. Она быстро зашуршала подошвами кроссовок по бетонным ступеням, перепрыгивая через пролеты. С каждым этажом воздух становился все теплее, а звуки дома — все глуше.

На улице ее встретило безжалостное июльское солнце. Асфальт, пропеченный за несколько часов, испускал марево, от которого дрожали очертания домов. Лето в Минске в такие

дни превращалось в испытание на прочность: бетонные коробки удерживали тепло, превращая город в гигантскую духовку. Но от осознания, что впереди ждут просторы, лесные тропы и прохладная гладь Браславских озер, на душе стало легче. Настроение, еще недавно скованное тревогой, поползло вверх, словно столбик термометра.

Её ярко-желтый Nissan Juke припарковался в тени молодой липы, но дерево не справилось с задачей. Когда Алина распахнула водительскую дверь, ей в лицо ударил поток раскаленного воздуха. Машина превратилась в сундук, оставленный на солнцепеке. Салон пах прогретым пластиком и слегка — ароматизатором «Морской бриз», название которого теперь звучало как горькая насмешка.

Пришлось оставить все двери открытыми, создавая сквозняк. Алина поставила переноску на переднее пассажирское сиденье, пристегнула её ремнем безопасности, как ребенка, и прислонилась к дверце, дожидаясь, пока температура в салоне упадет хотя бы до приемлемого уровня.

— Ну что, Дуся, — сказала она, глядя на прищуренные глаза кошки сквозь решетку дверцы, — сейчас кондиционер заработает, и мы покажем этому городу, как надо уезжать.

Она достала телефон, включила навигатор. Маршрут до Браслава проложился сам собой: через МКАД, на трассу Р3, мимо Логойска и Бегомля. Дорога обещала быть не самой близкой, но зато свободной от офисных обязательств.

Наконец, когда жар немного спал, она села за руль. Заве-

ла двигатель, выставила климат-контроль на максимум. Поток холодного воздуха ударил в грудь, принося долгожданное облегчение. Алина сжала руль, выдохнула накопившееся напряжение и включила первую передачу.

Город за окном начал сменяться серыми панельками, потом частным сектором, а затем — широкой дугой выезда на трассу. С каждым километром плотность машин падала, а дорога становилась всё более извилистой. Дорожные знаки, мелькавшие мимо, теперь не раздражали, а радовали: «Браслав — 240 км».

Алина включила музыку — какой-то ненавязчивый евродэнс, который идеально ложился на ритм бешено вращающихся колес. Она смотрела на дорогу, на Дусю, которая начала понемногу успокаиваться, и чувствовала, как с каждым километром её «обычная жизнь» становится все более далеким воспоминанием. Теперь существовали только трасса, музыка и цель — где-то там, впереди, среди озер, ждала тайна, которую ей предстояло разгадать.

Дорога

Темп езды изменился. Если в начале пути Алина подосознательно пыталась «сбежать» от города, то сейчас, вырвавшись на оперативный простор, она позволила себе расслабиться. Вторник — лучший день для путешествий: трасса была непривычно свободной, будто мир замер в ожидании чего-то важного.

Алина хорошо знала эту дорогу. Каждая петля трассы Р3, каждый знакомый поворот казались ей старыми добрыми друзьями. До Логойска движение еще оставалось оживленным, поток машин держал её в тонусе, но стоило проехать этот участок, как суэта отступила. Начались те самые «её» пейзажи: безбрежные зеленые поля, сменяющиеся густыми, темными коридорами леса, которые словно поглощали шум мотора.

В деревнях она послушно сбавляла скорость. Ей нравилось наблюдать за жизнью, которая текла там, за стеклом ее автомобиля: кто-то полел огород, кто-то вел коров, где-то у дороги продавали чернику в пластиковых стаканчиках. Алина никуда не спешила. Она останавливалась дважды, просто чтобы выйти, размять затекшую спину и вдохнуть горячий, напоенный запахом сена и полевых цветов воздух. Она пила кофе из термоса, щурилась от яркого солнца и чувствовала, как вместе с каждым пройденным километром растворяется

накопившаяся усталость.

Когда она остановилась на заправке в Докшицах, Алина достала телефон и набрала маму.

— Мам, привет, — сказала она, прислонившись к теплomu боку Nissan. — Я проезжаю Докшицы. Еду потихоньку.

Голос мамы в трубке прозвучал бодро, почти по-праздничному.

— Хорошо, доченька, осторожно там. Мы с тетей Наташей ждем. Слушай, я хотела напомнить: завтра в десять утра у тебя встреча у нотариуса.

Алина кивнула, хотя мама этого не видела.

— Да, помню. Буду скоро.

Она завершила звонок, и на секунду внутри кольнуло — напоминание о цели поездки добавило серьезности, но не испортило настроение.

Деревня аистов

Машина мягко подрагивала на выбоинах, проглатывая километры долгого пути. Впереди показалась деревня. Она всегда возникала внезапно, словно вырастала из марева над асфальтом — длинная, вытянутая в одну-единственную бесконечную улицу.

Алина снова попыталась вспомнить название. Оно вечное ускользало из ее памяти. Для Алины это место давно обрело свое настоящее, единственно верное имя — «Деревня аистов».

Как только колеса зашуршали по улице деревни, взгляд Алины привычно устремился вверх. На вершине каждой бетонной опоры линии электропередачи, словно драгоценная корона, высилось массивное гнездо. Плетенные из веток, огромные и неопрятные, они казались невероятно уютными крепостями. Почти везде картина повторялась с удивительной симметрией: два взрослых аиста, величественные и спокойные, замерли на страже, а между ними, неуклюже переминаясь, сустились подрастающие птенцы.

Один из них, самый любопытный, вытянул шею и шумно захлопал крыльями, едва не потеряв равновесие на краю своего высотного жилища. Алина невольно улыбнулась. Это зрелище всегда действовало на нее странным образом — одновременно успокаивало и завораживало.

Она медленно проезжала мимо цепочки опор, и эти живые белые скульптуры тянулись бесконечной вереницей, провожая машину внимательными черными глазами-бусинами. Аисты не боялись — они были здесь хозяевами, а люди, шумные машины и редкие прохожие лишь частью фона их размеренной жизни.

«Как они умудряются так жить?» — думала Алина, глядя на еще одно гнездо, где пара аистов синхронно склонила головы, словно ведя безмолвный диалог.

В этом было что-то фундаментальное, незыблемое. Пока мир за пределами этой деревни несли куда-то вперед, менялся, терял ориентиры и забывал названия, здесь всё оставалось прежним. Опоры держали провода, гнезда держали аистов, а жизнь продолжалась, размеренная и правильная, как пульс самой природы.

Алина притормозила у края дороги, чтобы пропустить выходящую на проезжую часть черную кошку, и снова посмотрела наверх. Высоко в воздухе, подрагивающем от зноя, плавно парила одна из взрослых птиц, распластав широкие, графичные крылья.

— Вы здесь главные, — прошептала девушка, не обращая ни к кому конкретно.

Ей вдруг стало легко. Название деревни окончательно растворилось в воздухе, не оставив ни следа досады. В конце концов, какая разница, как это место значится на картах, если здесь живут аисты?

К тому моменту, когда она наконец подъехала к Браславу, солнце начало клониться к закату, окрашивая небо в сочные, оранжево-красные тона. Она ехала медленно, смакуя момент приближения к цели. Дорога вывела её к самому озеру Дривяты. Гладь воды, неподвижная и зеркальная, отражала вечернее небо, становясь почти чернильной у берега. На пляже еще оставались люди — чьи-то смеющиеся голоса долетали до неё даже через закрытые окна. Алина с легкой завистью посмотрела на тех, кто сейчас окунался в прохладу, чувствуя, как внутри нарастает приятная тяжесть долгого дня.

Она свернула в город, направляясь к старому дому тетки Натальи. Улочки стали уже, тени — длиннее. Дуся, которая до этого момента дремала в переноске, словно почувствовав смену ритма движения и незнакомый запах озерного воздуха, начала недовольно мяукать, скрестись лапами о пластиковую решетку.

Алина посмотрела на неё и мягко улыбнулась.

— Я понимаю, Дуся, ты устала, — прошептала она, притормаживая перед поворотом. — Я тоже устала. Но мы уже почти приехали. Еще пара минут, и будет дом.

Она плавно направила машину к воротам, чувствуя, как этот тихий, наполненный закатным светом город уже принимает её в свои объятия.

Глава 2. Озерный дом

Сестры

Алина едва успела выключить зажигание, как высокие деревянные ворота, которые она так любила за их гулкий звук, распахнулись с привычным скрипом. Она не успела выбраться из машины, как на улице показались две женские фигуры.

Это были мама и тетя Наташа. Они были как зеркальное отражение друг друга, запечатленное в разном исполнении. Обе высокие, с той самой узнаваемой рыжиной в волосах, теперь щедро разбавленной благородной сединой, обе с одинаковой формой носа и разлетом бровей. Но время и образ жизни сыграли с сестрами свою игру.

Мама, Светлана, всегда оставалась верна столичному ритму: она держала спину прямо, была подтянута, в её движениях читалась выверенная элегантность. Даже сейчас, в простых дачных брюках и льняной рубашке, она выглядела так, будто только что вышла из офиса в центре Минска.

Тетя Наташа же, напротив, излучала уют и земную основательность. Она была пышной, дородной женщиной, чья улыбка казалась куда шире и мягче, чем у мамы. Если Светлана напоминала строгий, изящный цветок, то Наталья походила на цветущий яблоневый сад.

Алина вышла из машины, чувствуя, как затекшие ноги с трудом держат её на гравии.

— А где же... — начала было Алина, но не успела закончить вопрос.

Тетя Наташа, опередив сестру, в три широких шага преодолела расстояние до машины и сгребла Алину в объятия, пахнущие свежее испеченным пирогом и мятой.

— Господи, ты посмотри на неё! — воскликнула тетя, отстраняясь и тут же всплескивая руками. — Алина! Худая какая! Одни кости, Господи помилуй! Светка, ты куда смотришь? Твоя девка совсем высохла! Все в этих компьютерах сидит, света белого не видит, только мониторы свои проклятые разглядывает!

Мама подошла следом, сдержанно улыбаясь. Она поправила Алине волосы, внимательно оглядела её лицо.

— Ну, не преувеличивай, Наташа, — спокойно заметила Светлана, хотя в глубине её глаз промелькнула тень тревоги. — Просто городская жизнь выматывает. Алина, ты как доехала? Без происшествий?

— Все отлично, мам, — Алина обняла мать, чувствуя её привычный парфюм. — Дорога была пустая.

— Ой, да какое там «отлично»! — не унималась тетя Наташа, уже заглядывая через открытую дверь в салон автомобиля. — Бледная, как поганка! Сразу видно — недоедает. Ничего, у нас тут сметана своя, яйца домашние, завтра же начнешь нормальную еду есть!

— А папа где? — спросила Алина, вытаскивая из машины переноску и недовольно ворчащую Дусю.

— Мужики-то? — Тетя Наташа махнула рукой в сторону озера, которое угадывалось за густыми кустами сирени. — Папа твой с Андреем и Костей на вечернюю рыбалку ушли. Говорят, лещ пошел, так их ветром не сдуешь. Оставят нас тут, женщин, одних, а сами рыбу караулят.

— Ничего, пусть отдохнут, — мама забрала у Алины рюкзак. — Им полезно. А мы с тобой, дорогая, сейчас пойдем в дом. Ужин готов, и чай с травами заварен.

Алина рассмеялась, глядя, как тетя Наташа уже тянется к её плечам, словно собираясь откормить её силой прямо здесь, на пороге.

— Ничего, тетя Наташа, — Алина подхватила кошачью переноску и направилась к дому. — У меня три недели отпуска. Отъежусь!

— Три недели? — тетя Наташа просияла, тут же переключаясь на планы по «спасению» племянницы. — Три недели — это хорошо. За три недели мы из тебя человека сделаем. Щечки наедем — загляденье будет!

Мама лишь понимающе улыбнулась, открывая перед дочерью дверь в прохладную, наполненную ароматом трав и свежей выпечки прихожую. После шумного Минска этот дом казался тихим и уютным, и, несмотря на причитания тети, Алина впервые за долгое время почувствовала, что тревога, грызшая её последние месяцы, начала отступать.

Ужин

Стол, накрытый на широкой веранде, буквально ломился от угощений. Алина села на скрипучий деревянный стул и замерла, не в силах сразу взяться за вилку. Она смотрела на тарелки, и внутри неё, где-то глубоко в груди, медленно просыпалось забытое, почти болезненное чувство — настоящий, глубокий голод.

Последние месяцы её жизнь напоминала размытый кинокадр: кофе на бегу, пара бутербродов у экрана монитора, случайный йогурт. После того как Алексей ушел, собрав свои вещи в два кожаных чемодана, еда потеряла всякий вкус. Куски вставали поперек горла, а бесконечные дедлайны стали единственным способом не думать о гулкой пустоте в квартире.

А сейчас... Сейчас перед ней был целый мир, осязаемый и понятный.

— Ешь, ешь, — тетя Наташа пододвинула ей тарелку с горкой котлет, от которых исходил такой умопомрачительный аромат жареного лука и чеснока, что Алина невольно сглотнула слюну. — Не смотри, как на экспонат в музее. Это всё своё, родное.

Дуся, решив, что хозяйка занята, отправилась в инспекцию: её пушистый хвост мелькал то под буфетом, то у самой двери, она обнюхивала углы, осваиваясь в новом для себя

пространстве.

Алина положила себе картошки — рассыпчатой, с той самой идеальной золотистой корочкой, которую невозможно повторить в городских условиях. Рядом легли помидоры и огурцы, только что сорванные с грядки: от них пахло свежестью, солнцем и еще чем-то неуловимо летним, домашним. Первый же кусочек котлеты, сочный и горячий, показался Алине самым вкусным блюдом, которое она пробовала за всю жизнь.

Тетя Наташа потянулась к графину с темно-вишневой жидкостью.

— А вот это — вишенка на торте, — она разлила вино по стаканам. — Свое, из прошлогоднего урожая винограда. Сладкое, как мед, тягучее, но ты не обманывайся. Пьется, как компот, а потом по голове ударит — и «вертолеты» полетят, и ноги станут как ватные. Так что аккуратно, Алина.

Вино и правда было обманчиво мягким. Сладкое тепло разлилось по телу, снимая последние остатки городского напряжения, зажимов в плечах, тревожного гула в ушах.

Разговор потек сам собой. Тетя Наташа, кажется, прекрасно понимала, почему племянница такая грустная, почему глаза у неё такие усталые, а скулы стали острее. Но она не задала ни одного вопроса об Алексее. Ни слова о предательстве, о том, где он сейчас, или о том, почему Алина одна. Вместо этого тетя Наташа с упоением принялась рассказывать про свой огород, который в этом году «взбунтовался»

из-за дождей, про соседского кота, укравшего сосиску у них из-под носа, и про своего сына, Костю, который «всё ходит в бобылях, хоть за тридцать лет парню, а ума — как у телянка».

— И что ты думаешь? — тетя Наташа всплеснула руками, отчего вино в её стакане качнулось. — Привел он какую-то «фифу» прошлым летом.

Наталья посмотрела на Алину и невольно поджала губы. В памяти тут же всплыл прошлый август, когда сын привел эту «фифу» к ним домой.

— Посмотрела я на неё, — тихо сказала Наталья, обращаясь к Алине. — Вроде бы девка-то сама по себе симпатичная, данные хорошие, натуральные, а она их вот этим всем... «украшательством» ну просто испортила.

Алина промолчала, а Наталья продолжила, перебирая в памяти детали того дня:

— Эти ногти, как когти у коршуна, — она выразительно пошевелила пальцами в воздухе. — А губы? Вы бы видели её губы? Пухлые, явно подколотые, неестественные. И ведь всё время ими недовольно кривила, постоянно что-то Косте шикала, вечно всем недовольна была.

Она вздохнула и покачала головой:

— А ресницы? Хлопала ими, как щётками, аж ветер создавала. Не девушка, а сплошной набор «улучшений». Красивая ведь была бы, если б не старалась казаться той, кем не является.

Наталья тяжело вздохнула.

— Я же потом, когда она ушла, прямо Костю спросила: «И что ты в ней нашёл, сынок? Ни тебя обнять, ни чаю попить нормально, всё только и следила, как бы ресницы не отклеились да помада не смазалась».

Мама рассмеялась, пригубив вина. Атмосфера за столом стала совсем уютной, почти интимной. Где-то вдалеке стрекотали кузнечики, веранда постепенно наполнялась вечерней прохладой, а женщины, чуть размякшие от вина и вкусной еды, делились новостями, как будто и не было этих месяцев разлуки.

Наталья внимательно смотрела на племянницу и все же не сдержалась. Она поставила на стол заварочный чайник и прямо спросила Алину:

— Алин, вот смотри... Я человек старой закалки, наверное. Вот смотрю на современных девчонок, на ту же Костину бывшую, и понять не могу. Зачем они это делают? Зачем себя портят этими пельменями вместо губ, когтями, бревнами вместо ресниц? Ведь природа-то своё дала, лицо есть, молодость есть. Зачем этот... тюнинг?

Алина задумалась. Она спокойно взяла чайник, налила чай, внимательно посмотрела в чашку, словно подбирая слова.

— Знаете, тетя Наташа, — наконец произнесла она тихо, — дело ведь не в том, что они хотят себя испортить. Никто не просыпается с мыслью: «Сегодня я хочу выглядеть неесте-

ственно».

— А что тогда? — Наталья скрестила руки на груди. — Самоутверждение?

— Скорее, страх, — Алина подняла глаза. — Страх быть «недостаточной». Понимаете, мы живем в мире, где идеальная картинка лезет в глаза из каждого телефона. У каждой второй в ленте — идеальная кожа, идеальный овал, идеальные пропорции. И мозг, даже если ты умная девушка, начинает сбоить. Ты смотришь в зеркало и думаешь: «А почему у меня нос не такой точеный? Почему губы тоньше, чем у той блогерши?»

— Так это же всё фильтры, фотошоп! — воскликнула Наталья. — Неужели они не видят разницы?

— Видят. Но когда ты видишь это двадцать четыре часа в сутки, грань стирается, — Алина вздохнула. — Это агрессия. Ты начинаешь чувствовать, что твоя естественная красота — это какая-то «недоработанная, несовершенная версия», черновик, который нужно срочно исправлять.

— Значит, это просто неуверенность? — Наталья внимательно смотрела на племянницу.

— Это попытка купить уверенность, — поправила Алина. — Вколоть филлеры проще, чем принять себя, полюбить свои особенности, неидеальный нос или родинки. Это же целый труд — быть собой, когда весь мир кричит, что ты — «не формат». Многие просто выбирают путь наименьшего сопротивления: стать похожей на остальных, чтобы пере-

стать выделяться «недостатками».

Наталья помолчала, переваривая услышанное. Она вспомнила, как сама в молодости переживала из-за своих рыжих волос, пока не поняла, что это ее «изюминка».

— То есть, получается, они не украшают себя, а прячутся?
— спросила она почти мягко.

— Кто-то прячется, кто-то пытается соответствовать стандартам, чтобы быть успешнее, — Алина пожала плечами. — Я не осуждаю. Просто... наверное, им никто вовремя не сказал, что они и так «ок». Что лицо без «тюнинга» — это не дефект, а просто лицо. Живое лицо, которое может смеяться, грустить, стареть, и это нормально.

Наталья посмотрела на Алину — на её тонкие, чуть дрогнувшие от волнения пальцы, на чистую, бледную кожу. И впервые за долгое время она не почувствовала желания критиковать. Она вдруг осознала, что за всеми этими «когтями» и «губами» действительно прячется просто очень напуганная, глубоко неуверенная в себе девочка, которая боится, что без маски её никто не заметит.

— Знаешь, — Наталья пододвинула Алине вазочку с печеньем, — спасибо, что объяснила. А то я всё думала, что это от большой дури. А оказывается — от большой беды.

Алина улыбнулась — искренне и тепло. В этот момент Наталья поняла, что ее племянница, пусть и без «улучшений», обладает куда большей силой, чем все остальные вместе взятые. Силой просто быть собой.

Наталья все еще смотрела на Алину, которая молчала и пила чай. И вдруг пелена, застилавшая глаза весь вечер, словно спала. Этот прямой взгляд, эта спокойная манера держать руки на коленях, эта удивительная способность не оправдываться за свои убеждения — она это уже видела. У бабы Марьи.

Марья

Тетя Наташа внезапно как-то померкла. Улыбка сползла с её лица, оставив лишь сеть глубоких, усталых морщин вокруг глаз. Она поставила стакан на стол — звон стекла показался оглушительным в наступившей тишине — и, подавшись вперед, уперлась локтями в столешницу. Её взгляд, до этого живой и озорной, стал тяжелым, словно она смотрела сквозь Алину, в глубь минувших лет.

— Эх, баба Марья... — тихо начала она, и голос её дрогнул, потеряв привычную хриловатую бодрость. — Всю жизнь прожила одна. Но она до самого конца сохранила здравый ум. Где-то лет шесть назад, летом, в начале августа, пришла ко мне и сказала, чтобы я её отвела к нотариусу. Говорит: «Помру, а дом кому? Дому без хозяина нельзя. У дома должен быть хозяин».

Алина замерла, держа в руках чашку. Тишина на веранде стала напряженной, звенящей. Тетя Наташа помолчала, словно собираясь с духом, а затем посмотрела прямо в глаза племяннице.

— Я-то думала, что она моему Косте дом оставит, — призналась она честно. — Нет. Она его вот тебе, Алиночка, оставила. Оказывается. Нравились ты ей. Она на тебя смотрела и себя видела. Красивая в молодости была, как ты.

Тетя Наташа слабо улыбнулась, и в этой улыбке промельк-

нула грусть по давно ушедшей молодости.

— И муж у неё был. Жили душа в душу. Говорят, красивая пара была. Я не помню — маленькая была тогда. Да вот счастье-то недолгим оказалось. Хотя дом у озера они вместе строили, своими руками каждый гвоздь забивали. А потом заболел её Михалка и помер. А она так и осталась одна в том доме. И деток родить не успели.

Приходили к ней, сватались, многие замуж звали — а она ни в какую. Не пошла. Так и прожила в доме у озера. Людям помогала. Она же медсестрой была, в больнице работала. А ещё травы сушила, отвары готовила. Девки к ней ходили, когда согрешили, а рожать не хотели... или наоборот, когда Бог детей не давал. Никому ничего не говорила. Берегла чужую тайну, как свою собственную.

Наталья вздохнула, поправила на плечах шаль, хотя вечер был теплым.

— Сколько раз к ней приходили, хотели её дом купить. Застройщики эти, дельцы... Предлагали домик в городе, квартиру, денег гору сулили. Не согласилась. Так и прожила. Кто-то её ведьмой кликал, кто-то боялся, кто-то благодарил. Всякое было.

Алина слушала, не дыша. В голове всплывали обрывки воспоминаний: строгий взгляд бабушки Марьи, запах сушеной мяты в её избушке, скрип половиц. Она никогда не знала, что за этим фасадом скрывалась такая история.

— А вот полгода назад померла она, — тихо продолжи-

ла Наталья. — Тихо. Как-то вечером у меня была, чай пили. Говорит мне вдруг: «Наталья, недавно ночью видела сон, что мой Михалка приехал к нашему дому у озера на лошади. Лошадь серая в „яблоки“. Бричка новая, чистая. Говорит мне: „Садись, жена, прокачу“».

Наталья сделала паузу, глядя в пустоту над столом.

— Я ей говорю: «Ну, баба Марья, а ты что?» А она отвечает: «А что я? Села я к нему в бричку, обнял он меня, тепло так... И поехали мы с моим Михалкой. Помру я, Наталья, скоро... Ты, если я тебе не позвоню в какой-то день до обеда, зайди ко мне...»

Наталья прерывисто вздохнула и смахнула непрошеную слезу, которая всё же скатилась по щеке.

— Я и зашла, — прошептала она. — Лежала она, как королева. Улыбалась. В той самой кофте, которую ей Михалка на годовщину свадьбы подарил.

На веранде стало совсем темно. Только где-то в глубине сада тревожно вскрикнула ночная птица, да Дуся, наконец закончив инспекцию, прыгнула на колени к Алине и заурчала, словно чувствуя смену настроения. Алина почувствовала, как по спине пробежал холодок, смешанный с чувством странной, почти мистической ответственности.

Дом у озера теперь принадлежал ей. Дом женщины, которая умела ждать, любить и хранить тайны до самого конца, до того самого момента, когда за ней приехал её личный проводник в вечность.

Наталья вздохнула, посмотрела на Алину, взяла ее за руку и тихо сказала:

— Марья была женщиной замкнутой, но в округе её уважали за кристальную честность. Баба Марья терпеть не могла пустых разговоров и лживых улыбок.

Когда она умерла, оставив свой дом у озера — тот самый, на который Наталья сама рассчитывала, — все были в недоумении. Она завещала его Алине. Наталья, как и остальные, только плечами пожала: «Странное решение, может, выжила из ума под старость».

Но сейчас, глядя на Алину, Наталья поняла: никакой ошибки не было.

— Алин, — голос Натальи прозвучал неожиданно хрипло, — а ты ведь у бабы Марьи в гостях бывала?

Алина подняла глаза, в которых на секунду промелькнуло удивление. Она кивнула.

— Да. Знаете, — голос Алины прозвучал непривычно глухо в наступившей тишине, — я ведь шесть лет назад была у нее в гостях. Мы тогда с Алексеем и друзьями приезжали на фестиваль «Viva Braslav». Потом с Лехой к ней заехали. Она мне тогда сказала, что мой Алексей «пустой», не буду я с ним. Вот, вышло так, как она сказала. А я ей тогда не поверила...

Наталья почувствовала, как к горлу подступил ком. Баба Марья, которую некоторые считали «старой ведьмой» из-за её прямооты, разглядела в этой девушке то самое зерно. Она

увидела в ней тот же стержень, который помогал ей самой всю жизнь не прогибаться под чужие ожидания. Дом у озера не был просто недвижимостью. Это был своеобразный «хранитель», которого Марья доверила той, кто, по её мнению, был достоин его сберечь, не осквернив суетой и ложью.

— Она оставила тебе этот дом, потому что знала, — Наталья почти прошептала это. — Знала, что ты не продашь его ради легких денег, не обнесешь забором в три метра и не превратишь в место для шумных вечеринок. Ты единственная, кто поймет, что этот дом — для тишины и правды.

Алина слегка опустила голову, и на мгновение Наталья увидела в ней ту самую бабу Марью, только молодую, чистую, еще не тронутую жизненными разочарованиями.

Наталья перевела дыхание. Она поняла, что перед ней не просто племянница, а человек, связанный с её собственной семьей незримой, но крепкой нитью — нитью порядочности, которую так легко потерять в погоне за «идеальной картинкой».

Алина посмотрела на маму, на тетю Наташу. Они молчали.

— Ключ от дома она мне тогда дала. У меня он лежит в рюкзаке. Сейчас, после всего... Мне кажется, что если я дом открою, то... разрушу то, что она берегла.

— Не разрушишь, — мягко ответила тетя Наташа, снова становясь собой — приземленной, заботливой, настоящей. — Ты его оживишь. Дом без хозяина — это мертвый дом. А

у дома должен быть хозяин. Пойдем завтра, я с тобой схожу.
Пора.

Распорядитесь по-доброму...

Алина вышла из кабинета нотариуса, чувствуя странную тяжесть в груди, которую не могла до конца объяснить. Взгляд нотариуса — добрый, понимающий, почти заговорщический — до сих пор стоял у нее перед глазами. «Распорядитесь по-доброму...» Что она имела в виду? Бабушка была человеком скрытным, и Алина не знала ничего о её жизни.

Мать и Наталья тут же обступили её, как только дверь за Алиной закрылась.

— Ну что? Всё подписала? — спросила мать, нетерпеливо поправляя сумочку. Её глаза смотрели с интересом, пытаясь угадать содержимое документов.

— Да, всё оформлено, — ответила Алина, стараясь говорить как можно более буднично. Она не хотела сейчас обсуждать подробности, особенно под прицелом внимательно-го взгляда Натальи.

— А что нотариус? Говорила что-нибудь про оценку дома? Про сроки? — голос Натальи звучал с нотками плохо скрываемой зависти.

Алина покачала головой:

— Ничего особенного. Просто формальности.

— Ну, слава богу, — выдохнула мать, хотя в её голосе прозвучало разочарование. — Раз покончили с бумагами, значит, можно ехать? Мы с Наташей как раз обсуждали, что

неплохо было бы взглянуть на участок перед тем, как выстав-
лять его на продажу. Нужно ведь понимать, сколько мы смо-
жем за него выручить.

Алина замерла. Продажа. Это слово резануло слух. Она
еще сама не знала, что чувствует к этому наследству, но идея
матери продать всё как можно быстрее вызвала глухое со-
противление.

— Я поеду сама, — сказала Алина твердо, глядя прямо на
мать. — Сначала мне нужно увидеть дом. Одной.

— Что за глупости? — возмутилась Наталья. — Мы же
одна семья. Поедем все вместе, поможем тебе осмотреться,
если нужно — порядок наведем.

— Нет, — отрезала Алина, чувствуя, как внутри закипает
раздражение. — Я хочу побыть там одна. Бабушка, когда пе-
редавала мне ключ, говорила, что дом имеет свой характер.
Я хочу познакомиться с ним без посторонних.

Мать открыла рот, чтобы возразить, но, встретив взгляд
дочери, вдруг осеклась и замолчала. В Алине проснулось
что-то такое, чего раньше не было — спокойная, холодная
решимость. Это было бабушкино наследство не только в ви-
де кирпичей и дерева, но и в виде характера.

— Хорошо, — процедила мать. — Но имей в виду, затя-
гивать с продажей нам не на руку. Налоги, содержание... Это
не дача, это обуза.

Алина не ответила. Она вышла из здания нотариальной
конторы, вдохнула горячий летний воздух и направилась к

своей машине. Оставив сестер недоуменно переглядываться у входа, она села за руль, настроила навигатор, но внутреннее чутье подсказывало, что дорога ей знакома, пусть и смутно. Конечной точкой значилась деревня Михеевцы. Она понимала, что нужный поворот находится чуть раньше начала деревни, и по привычке выехала из города в сторону деревни Муражи.

Машина плавно катилась по асфальту, Алина не спешила. Она ехала медленно, наслаждаясь пейзажем. Сосновый лес, стоящий вдоль дороги, был великолепен: золотистые стволы, подсвеченные полуденным солнцем, уходили ввысь, создавая почти храмовую торжественность.

Вскоре лес расступился, уступая место зеркальной глади озера. Синева воды казалась неестественно глубокой на фоне яркой зелени берегов. Вскоре мимо промелькнули голубые заборы деревни Антоновцы. Алина внимательно следила за указателями и поворотами, понимая, что Антоновцы остались где-то позади, а она приближается к ключевой точке маршрута.

Дорога сделала крутой изгиб и пошла вплотную вдоль берега озера Войсо. Вода подступила почти к самой обочине, отражая небо и легкие ватные облака. В этот момент Алина снизила скорость практически до минимума. Она знала: где-то здесь, среди сплетения сосновых корней и прибрежного кустарника, должен был скрываться тот самый незаметный съезд, ведущий к бабушкиному дому. Она вглядывалась в

каждую прогалину, боясь пропустить нужный поворот.

Дорога к дому заняла около тридцати минут. Городской шум остался позади, постепенно уступая место шуму сосен и едва уловимому запаху соснового леса. Чем ближе она подъезжала к месту, тем сильнее становилось странное чувство: словно она не просто ехала посмотреть дом, а возвращалась туда, где её ждали.

Когда на горизонте показалась гладь озера, сверкающая на солнце, Алина притормозила. Дом стоял на небольшом возвышении, окруженный вековыми деревьями. Он выглядел совсем не так, как она помнила. Сейчас он показался ей уютным, немного уставшим от времени домиком, который будто бы спрятался от внешнего мира.

Она заглушила мотор и открыла дверь машины. Тишина поражала. Алина вышла из машины и зашагала по тропинке, густо заросшей травой и ведущей к веранде, на ступенях которой, по её воспоминаниям, бабушка всегда пила чай в пять вечера.

Алина подошла к веранде, шагнула на деревянные ступени. Они слегка прогнулись под ее весом и закрипели. Девушка уверенно шагнула к двери. Замок был старым, ржавым, но ключ, который она хранила шесть лет, вошел в скважину легко, будто сам просился внутрь.

«Распорядитесь по-доброму...» — снова всплыли в памяти слова нотариуса.

Глава 3. Дом, который ждал

Дом у озера

Когда Алина нажала на тяжелую железную ручку, дверь с легким стоном подалась внутрь. Она шагнула через порог, и первое, что ее встретило — это живая прохлада. Несмотря на июльский зной, плавающий воздух снаружи, дом принял ее в свои объятия, сохранив внутри себя утреннюю свежесть и густую тень лесов.

Казалось, дом не просто ждал, а наблюдал за ней. В тишине пустых комнат ощущалось присутствие: старые стены, пропитавшиеся временем, словно присматривались к госте, узнавая в ней черты хозяйки, которую давно не видели. Половицы, выкрашенные в глубокий, почти терракотовый цвет, отзывались на ее шаги протяжным, жалобным скрипом — звук, который в детстве пугал, сейчас пробудил в груди щемящую нежность.

Под ногами расстилались половики. Это были настоящие произведения деревенского искусства: круглые и овальные, связанные вручную из множества разноцветных лоскутов. Их пестрые узоры — синие, желтые, красные пятна ткани — выглядели особенно ярко на темно-оранжевом фоне дощатого пола. Они словно напоминали о бесконечных вечерах,

проведенных бабой Марьей с крючком, когда каждый кусочек старой одежды получал вторую жизнь.

Стены прихожей, оклеенные выцветшими обоями в мелкий цветочек, казались бесконечно уютными. Вдоль одной из них, на натянутой проволоке, сиротливо висели пучки потемневших от времени трав. Воздух в доме был неподвижным и чуть затхлым, но в этой тишине отчетливо проступал дух ушедших лет: запах сушеной мяты, мелиссы и едва уловимый аромат лаванды, который, казалось, впитался в само дерево.

Слева от Алины, сквозь открытую дверь, просматривалась кухня с огромной белой печью, занимавшей почти всю стену — сердце дома, которое когда-то дарило тепло и вкусную еду.

Направо, за плотно закрытой белой дверью, пряталась спальня, где, вероятно, всё осталось нетронутым.

Прямо, напротив входа, располагалась «заля» — главная комната, куда вела открытая дверь.

Алина подошла к окну. Вид, открывавшийся отсюда, заставил ее замереть. Окна были завешены легким, полупрозрачным тюлем, который едва заметно колыхался от сквозняка. Сквозь него, как сквозь дымку, проступала бескрайняя гладь озера Войсо.

С небольшой деревянной открытой веранды открывалась панорама, от которой захватывало дух. Озеро лежало перед домом, как огромное зеркало, обрамленное темной, почти

черной полосой соснового леса. Деревья подступали к самой воде, их верхушки отражались в глубине, создавая иллюзию двойного мира.

С веранды запах озера становился сильнее — чувствовалась свежесть воды и мокрого песка. В этот момент дом перестал казаться просто постройкой. Глядя на неподвижную воду и вековые сосны на берегу, Алина поняла, что дом — это страж этого спокойствия, молчаливый хранитель озерных закатов и рассветов, который все эти шесть лет терпеливо ждал ее возвращения.

Наконец-то дома

Алина первым делом направилась на кухню. Здесь время словно замерло, законсервированное в запахах старой древесины и сухого чабреца. Она провела ладонью по столешнице — на пальцах осталась едва заметная пыль, но поверхность была гладкой, без единой зазубрины.

Она начала открывать шкафчики. За створками прятался привычный мир: тяжелые чугунные сковородки, сложенные стопкой, граненые стаканы, потемневшие от времени алюминиевые ложки. Все предметы казались не просто кухонной утварью, а старыми знакомыми, каждый из которых имел свою историю.

На нижней полке, в самом углу, она увидела электрический чайник — современный пластиковый прибор, выглядевший здесь, среди деревянных стен и печи, почти пришельцем. Алина улыбнулась: Наталья, должно быть, купила его, чтобы бабе Марье было проще, но сама привычка черпать воду из колодца оказалась сильнее техники.

Взгляд Алины упал на белую деревянную табуретку, стоящую у входа на кухню. На ней стояло чистое, ярко-белое эмалированное ведро, а рядом, на блюде, сиротливо застыла простая алюминиевая кружка. Алина взяла ведро — оно оказалось неожиданно легким — и, подхватив его, вышла на крыльцо.

Тропинка, заросшая подорожником, вела от крыльца к колодцу. Деревянный сруб, посеревший от дождей, был надежно закрыт крышкой, сбитой из толстых досок. Алина с усилием откинула её. Пахнуло прохладой. Вода стояла не очень глубоко, темным, манящим зеркалом. К крючку на бортике было подвешено оцинкованное ведро. Алина сняла его, чувствуя холодный металл, и закрепила на тросе. Медленно, с натугой вращая деревянный ворот, она опустила ведро вниз. Глухой всплеск отозвался в тишине двора. Потянув трос обратно, она вытащила полное ведро. Вода в нем, подсвеченная солнцем, была кристально чистой, ледяной.

Алина наклонилась к самому срубу и, вдохнув поглубже, со всей силы выкрикнула:

— А-а-а-а-а!

Колодец ответил ей гулким, низким эхом, которое, казалось, ушло глубоко под землю и вернулось обратно, чтобы раствориться в шуме сосен.

Вернувшись в дом, она тяжело опустила ведро на табурет. Чайник, сполоснутый колодезной водой, был водружен на базу. Она нажала на кнопку, но ничего не произошло. Алина нахмурилась. Расстройство накрыло её внезапно, как летний ливень, но тут же сменилось спокойным воспоминанием: Наталья предупреждала, что отключила всё, чтобы дом был в безопасности.

Девушка отправилась на поиски электрического щитка. Он нашелся в прихожей, за старой занавеской. Щелкнув тум-

блерами, она услышала, как дом ожил: где-то внутри отозвался холодильник — небольшой, но на удивление чистый и пустой, — и на кухне тут же вспыхнул оранжевый огонек чайника.

Она снова вернулась к шкафчикам. В верхнем ящике, среди упаковок с солью и сахаром, обнаружилась жестяная банка. На крышке, выведенная аккуратным, уже почти стершимся почерком, стояла надпись: «Чай». Алина открыла её и поднесла к лицу. Аромат бергамота, терпкий и успокаивающий, ударил в нос, мгновенно вызывая в памяти вкус вечерних посиделок.

Рядом нашелся заварочный чайник с отбитым носиком, но все еще крепкий, и большая белая чашка — та самая, из которой она пила чай в последний свой визит в этот дом.

Она нашла всё, что нужно: холодильник, в котором теперь гудел компрессор, газовую плиту с подключенным газовым баллоном, готовым к работе, и полку с тарелками.

А в самом углу, на гвоздике у печи, висел бабушкин передник. Ткань в мелкую клетку, выцветшая, с завязанными на поясе узлом тесемками. Алина аккуратно сняла его и прижала к себе, чувствуя, как внутри стало тепло и уютно. Она была дома.

Какое блаженство!

Аромат бергамота поднялся над чашкой, смешиваясь с сосновым воздухом, которым тянуло в открытую дверь из леса. Алина осторожно сделала глоток, прикрыв глаза. Терпкий вкус чая, знакомый с детства, отозвался теплом внутри. Она вышла на веранду и замерла: озеро лежало перед взором, огромное и неподвижное. В нем отражались пылающее солнце и, выцветшее от полуденного зноя, небо. И все это — старый дом, тропинку, причал, вековые сосны — плотно накрывала тишина.

Алина присела на деревянную скамью, сидеть было не очень удобно, и она тут же вспомнила. То самое кресло-качалку из старой кожи, которое она заметила в последний свой визит. Оно должно быть где-то здесь, в прихожей или кладовой. Она оставила чашку на деревянном столе и поспешила в дом.

Кресло нашлось быстро — в глубине прихожей, закрытое старой простыней. Оно было тяжелым, с потертыми подлокотниками, но все таким же надежным. Алина с усилием потянула его на себя, пыхтя и упираясь ногами в доски пола. Пару раз кресло предательски застревало в дверном проеме, но в конце концов, с победным скрипом, было вытащено на веранду. Алина с размаху опустилась в него. Кожа приятно охладила спину, а полозья мягко качнулись.

— Какое блаженство... — прошептала она, откидывая голову назад.

В этот момент она вспомнила про телефон, оставленный в сумке в глубине дома. Есть ли тут связь? Стоит ли проверять рабочую почту?

Алина нахмурилась, глядя на рябь, пробежавшую по воде от легкого ветерка. Нет, потом. Сейчас — только чай и тишина.

Но насладиться покоем не удалось. Тишину разорвал нарастающий гул мотора. Алина подалась вперед, вглядываясь в водную гладь. Из-за мыса, рассекая воду острым носом, к дому неслась моторка. В лодке было двое мужчин в форменных куртках. Они уверенно шли к пирсу, и лодка, сбавив ход, мягко ткнулась в старые покрывки, которыми был обит причал.

Когда один из мужчин спрыгнул на берег, Алина ахнула. Это был Костя, её двоюродный брат. Она видела его лишь мельком сегодня утром, перед тем как он уехал на работу, и вот теперь он здесь.

Костя шагал к дому пружинистым, уверенным шагом. Рядом с ним шел крепкий мужчина лет пятидесяти пяти с серьезным, обветренным лицом.

— Привет, сестренка! — Костя расплылся в улыбке, когда увидел Алину на веранде. — Вот, мама сказала, что ты сюда, в дом поехала. Просила заехать, проверить, как ты тут. Ну, рассказывай, как дом тебя встретил?

Они обнялись. От Кости пахло свежим озерным ветром. Он был высоким, плечистым, а его рыжие кудри, взлохмаченные ветром, делали его точной мужской копией Алины. Порода, как говорится, брала свое.

— У тебя же новоселье, — Костя подмигнул и махнул рукой в сторону лодки. — А поэтому мы с подарками!

Костя бросился обратно к причалу, а его спутник степенно подошел к Алине и протянул руку.

— Юрий Николаевич, коллега Кости, — представился он, и его глаза потеплели. — Мы с ним здесь, на озере, за порядком смотрим. Не пугайтесь, мы свои.

— Проходите, только вот угостить вас толком нечем, — смутилась Алина, оглядывая пустой стол.

— Мы все привезли! — рассмеялся Юрий Николаевич, входя на веранду.

Костя уже возвращался, таща огромную коробку с тортом и увесистый пакет. На столе мгновенно появились банка свежего кофе, упаковка элитного чая, конфеты, печенье и бутылка шампанского. Костик, не дожидаясь приглашений, забежал на кухню, нашел там чайник и чашки, как будто жил здесь еще вчера.

— Извини, сестренка, что я тут как хозяин, — сказал он, разливая чай. — Я же тут все детство провел. Бабушкин дом — это святое. Если что нужно — только скажи, обращайся.

Шампанское отложили — служба не позволяла, да и Алине предстояло садиться за руль. Зато чай оказался необычай-

но вкусным, а торт — свежим и нежным. Они сидели на открытой веранде, пили чай, ели торт, смотрели на озеро, которое во второй половине дня стало насыщенно-синим.

— Костя, — Алина решилась, глядя на брата, — я хочу сюда перебраться. Твоя мама, да и моя, будут против, конечно... Ты поддержишь?

Костя отставил чашку и хитро прищурился:

— А не боишься одна в доме? Место тихое, глухое.

— Пока нет, — улыбнулась Алина. — А надо?

— Нет, здесь спокойно, — серьезно ответил Костя, переглянувшись с Юрием Николаевичем. — Участки охраняемые, да и мы постоянно курсируем. Можешь переезжать, я только «за». Я сам часто сюда сбегал, когда мама с нотациями доставала.

— Или с девчонками? — поддела его Алина.

— И такое было, — ничуть не смутившись, признался Костя.

Время пролетело незаметно. Солнце сияло, окрашивая верхушки сосен в золотой цвет. Торт был съеден, чай выпит, а разговор перетек в легкое, приятное русло.

— Ладно, сестренка, — Костя поднялся со скамьи, потягиваясь. — Нам пора, служба зовет.

— А может, вечером приедете? — предложила Алина, глядя на оставленную бутылку шампанского. — Будем отмечать новоселье как положено.

— Договорились, — улыбнулся Костя. — Часам к семи

будем. Жди!

Они ушли так же быстро, как и появились. Моторка снова заурчала, разрезая водную гладь, и вскоре скрылась за поворотом. Алина осталась в тишине, поглаживая подлокотник старого кресла. Дом казался уже не таким пустым, как несколько часов назад. В нем поселилась жизнь, ожидание праздника и запах хвои, который от палящего июльского зноя становился особенно пряным.

Домашние хлопоты

Алина наполнила большую алюминиевую кастрюлю водой и поставила её на газовую плиту. Пока вода грелась, она принялась протирать пыль, открывать шторы, чтобы впустить в дом солнце. С досадой посмотрела на пустую бутылку из-под моющего средства — надо записать в список покупок. Раз уж она решила здесь обосноваться, хозяйство нужно вести по-настоящему.

Пока вода грелась, а над кастрюлей еще не за клубился пар, она вытерла руки полотенцем и, наконец, достала телефон. На экране высветилось отсутствие рабочих уведомлений. Ни одного письма, ни одного срочного запроса. Это казалось почти сюрреалистичным: неужели мир продолжил вращаться, даже когда она выпала из рабочей гонки?

Зато вкладка «Пропущенные» пестрела красным. Пять вызовов от мамы. Три — от тёти Наташи.

Алина рассмеялась, и звук её смеха, отразившись от бревенчатых стен, показался ей необычайно звонким. Вот оно что. Значит, визит Кости не был случайным порывом души. «Разведка боем», — подумала она, качая головой. Прошли всего сутки с её приезда, а событий хватило бы на неделю.

Сегодня вечером — новоселье. Мама и тётя, конечно, будут против, но Костя, как союзник, явно сгладит разногласия. Она глубоко вдохнула, приготовилась к буре и нажала

кнопку вызова маминого номера.

Гудки шли недолго.

— Наконец-то, доченька решила позвонить! — голос мамы в трубке звучал как натянутая струна. — Мы тут с Натальей чуть с ума не сошли! Уехала, не отвечает, пропала...

— Мам, перестань, — Алина постаралась придать голосу максимально спокойный тон. — Костя же приезжал, я вам весточку передавала.

— Костя! — мама повысила голос. — Пришлось же племянника с работы срывать, чтобы он ехал проверять, жива ты там или нет!

— Мам, мы чудно посидели, — мягко перебила Алина. — Он все проверил. А сегодня у меня новоселье. Жду вас к семи.

Наступила пауза, в которой чувствовалось, как мама пытается переварить информацию.

— Какое ещё новоселье? — ошарашенно спросила она.

— Мама, моё новоселье. Я переезжаю в дом.

Громкий, выразительный вздох в трубке предвещал бурю.

— Ты, в дом, одна? — голос мамы дрожал от праведного гнева.

— Не одна, а с кошкой! — Алина попыталась добавить оптимизма. — Мам, ты что?

— Ты сошла с ума, Алина! Это глухомань, там никого нет, ты одна в лесу!

На заднем плане слышался приглушенный, но чёткий

голос тёти Наташи:

— Да что с неё взять? Такая же бестолковая, как и ты, Костик! Только приехал, поел и доволен! Сидит, улыбается.

Алина прижала телефон плотнее.

— Мама, передай папе и всем: сегодня в семь сбор. Я сейчас еду закупаться. Мясо на шашлык куплю, овощи с огорода...

Алина не договорила, как вдруг голос тёти Наташи прорезался сквозь динамик, перекрыв мамино возмущение:

— Будут тебе овощи! Свои, со своего огорода, а не тот пластик, что ты в супермаркете возьмешь. Мы с матерью сейчас все соберём. И соленья возьмем. А если уж ты такая упрямая и собралась переезжать... — тётя на секунду замолчала, — то ладно. Костик сказал, место хорошее, он там всё знает. Будет караулить тебя, если что.

Мама что-то проворчала, но в голосе уже не было прежней истерики. Слышалось ворчливое смирение, переходящее в деловитость.

— И мясо возьми шейку, — добавила мама. — Костя любит.

— Договорились, мамуль, — улыбнулась Алина, чувствуя, как напряжение отпускает. — До встречи. Я сейчас в «Евроопт», а потом к вам, заберу вещи и кошку.

Она сбросила вызов и открыла «Заметки» в телефоне. Список начал быстро заполняться:

- Жидкость для мытья посуды (две упаковки)

- Мясо для шашлыка (свиная шейка)
- Уголь и розжиг
- Корм для кошки (первым делом в зоомагазин!)
- Салфетки, полотенца и одноразовая посуда (на всякий случай)

Алина отложила телефон. Дом, который ещё пару часов назад казался холодным и чужим, теперь словно ожил. В нём уже пахло будущим дымком от мангала, смехом и, пусть и ворчливым, но материнским участием. Она взяла ключи от машины. Пора было начинать этот странный, такой неожиданный, но такой важный этап её жизни.

Алина обретает покой

Телефон в сумке завибрировал, заставив Алину вздрогнуть. Она потянулась к сумочке, выудила смартфон — на экране светилось имя «Тётя Наташа».

— Алина, ты еще в доме? — голос тёти звучал требовательно.

— Да, тётя Наташа, но уже собиралась уезжать за продуктами, — Алина прижала телефон к уху плечом, пытаясь впихнуть ноги в туфли.

— Слушай меня внимательно, раз уж ты решила там обосноваться. Негоже спать на затхлом. Сейчас иди в спальню. Там кровать большая, старинная, бабушкина ещё. Снимай всё: подушки, одеяло, матрас — и тащи на веранду. Пусть просохнет, проветрится. Там солнце сейчас самое то. Поняла?

— Поняла, тетя Наташа! Спасибо за совет!

— Вот, кто ж подскажет, вы ж городские, к деревенской жизни не приучены, — голос тёти смягчился, но всё ещё звучал наставительно. — Всё должно дышать. Давай, не ленись. Ну, пока.

Алина убрала телефон. В доме стояла тишина, прерываемая лишь гулом работающего холодильника. Она прошла в спальню. Раньше она почти не заходила сюда, просто заглядывала, но сейчас, подчиняясь приказу тёти, шагнула внутрь

и решительно распахнула плотные, тяжелые шторы на окне.

Комната наполнилась золотистым светом. В центре, занимая чуть ли не треть пространства, стояла кровать.

Алина замерла, рассматривая её. Это было не просто спальное место, а настоящее «королевское ложе», произведение искусства. Высокое изголовье из тёмного, отполированного десятилетиями дерева было украшено искусной резьбой: сплетения виноградных лоз и полевых цветов казались живыми, словно они медленно ползли вверх по изголовью. Ножки кровати напоминали массивные, устойчивые бочонки, выточенные с поразительной симметрией. Было ясно — эту мебель делали на века, с любовью и почтением к комфорту.

На кровати высилась горка подушек, напоминающая детскую пирамидку. Сверху всё это великолепие было укрыто накрахмаленной простынёй, которая от времени чуть пожелтела, но сохранила запах чистоты и лаванды.

Алина аккуратно сдернула простыню. Она насчитала ровно шесть подушек: две огромные, квадратные, две поменьше, ещё две совсем небольшие, декоративные. Теперь Алина увидела, что под простыней скрывались наволочки из плотного, прохладного льна. На каждой из них была вышивка «белым по белому» — техника, требующая невероятного терпения. Узоры из роз и незабудок, казалось, возникали на ткани лишь тогда, когда на них падал свет под определённым углом.

Алина работала быстро. Она расстелила простыню на столе на веранде и, как муравей, начала перетаскивать на неё подушки. Затем стянула тяжелое, ватное одеяло, простеганное крупными ромбами — такие сейчас уже не делают. Повесила его на перила веранды, где оно тут же начало подставлять красные атласные бока ласковому солнцу. С матрасом пришлось повозиться — он был тяжёлым, набитым, кажется, сеном и конским волосом, но Алина, поднатужившись, вытащила его наружу.

Закончив, она решила, что заслужила передышку. Идея искупаться в озере показалась заманчивой. Купальника у неё с собой не было, но здесь, в глуши, никто не мог её увидеть, а дом был надёжно скрыт за деревьями.

Она вернулась в спальню, чтобы взять полотенце, и открыла шкаф. За дверцами скрывался целый мир. Сначала Алина увидела ряды простых ситцевых платьев в мелкий цветочек — синий, жёлтый, красный. Рядом висели фланелевые халаты, тёплые и уютные. Но, отодвинув в сторону привычные вещи, она затаила дыхание.

Среди прочего гардероба висели блузки из тончайшего, почти прозрачного батиста. На них красовалась вышивка красными нитями — сложные, геометрические орнаменты, напоминающие старинные обереги. А рядом, на отдельной вешалке, висело платье из белого льна. Оно было простым по крою, но украшено изящной мережкой по подолу и рукавам.

— Какая красота... — прошептала Алина.

Она не удержалась и сняла с полки цветастый халат, чтобы накинуть его на себя, прежде чем идти к озеру. Взяв с полки свежее полотенце, Алина уже собралась развернуться, как вдруг её взгляд зацепился за стену рядом со шкафом.

Там, в старой резной рамке под потемневшим от времени стеклом, висела фотография.

Свадебный снимок.

Алина подошла ближе, чувствуя, как сердце стучит в груди. На фото юная, с копной рыжих волос, светящаяся от счастья девушка в том самом белом платье с изящной мережкой, которое она только что рассматривала. А рядом с ней — широкоплечий, русоволосый парень с озорной улыбкой.

Марья. Её двоюродная бабушка. А мужчина рядом... это был Михалка, её дед, о котором она почти ничего не знала.

Алина смотрела на фото, а потом на своё отражение в зеркале на двери шкафа. Те же скулы, тот же разрез глаз, даже манера чуть наклонять голову, когда она смеялась — всё было оттуда, из этого застывшего мгновения 1950-х годов.

Она осторожно коснулась стекла пальцем. Дом больше не казался чужим. Он был наполнен тихим эхом любви, которая когда-то жила здесь, в этой спальне, на этой кровати, в этих платьях. И теперь эта история, начавшаяся задолго до её рождения, словно протянула невидимую нить к ней самой.

Алина обвела взглядом комнату. Теперь всё казалось другим — не просто старым, а хранящим память. Она аккуратно поправила рамку с фотографией, висевшую чуть криво,

и, глубоко вздохнув, вышла на веранду. В воздухе пахло нагретым деревом и травами — запах прошлого, которое стало её настоящим.

Рай на земле

Трава под ногами оказалась чуть влажной, и этот пронзительный, живой холодок, пробившийся сквозь подошвы, заставил Алину замереть на мгновение. Она даже не могла припомнить, когда в последний раз ходила по земле босиком — так, чтобы чувствовать каждый бугорок, каждое сплетение клевера и подорожника. Городской асфальт, офисный ламинат, бесконечные кроссовки... А здесь, на берегу озера, земля словно принимала её, обнимая ступни своей первобытной прохладой.

Она шла не спеша, то и дело поджимая пальцы, стараясь обходить острые камешки и сухие стебли. Бабушкин цветастый халат, сшитый из плотного, но невероятно мягкого ситца, оказался ей слегка великоват — ткань приятно касалась кожи, норовя соскользнуть с плеча. Легкий ветерок игриво поднимал полы халата. Алина чувствовала под ним пустоту, полное отсутствие привычных оков — джинсов, топа, белья. Это осознание собственной уязвимости и свободы заставило её сердце биться чаще. Она снова оглянулась, внимательно изучая опушку леса и заросли тростника: ни души. Только стрекозы зависали в воздухе, словно маленькие вертолеты, да где-то далеко в траве звенели кузнечики.

Деревянные мостки, почерневшие от времени, тихо скрипнули под её весом. Она дошла до края, где доски закан-

чивались, и увидела уходящую под воду лесенку. Ступеньки были широкими, надежными, с еле заметным налетом ила на последней ступеньке.

Вода была удивительно прозрачной. Алина заглянула в глубину: песчаное дно казалось бархатным, усыпанным перламутровыми ракушками, которые мерцали в пробивающихся сквозь толщу воды солнечных лучах. В этой живой хрустальной толще, словно в аквариуме, вальяжно проплывали рыбки — полосатые ершики важно держались дна, а проворные красноперки серебрились, вспыхивая чешуей.

Алина в последний раз оглянулась на прибрежные кусты — никого. Сбросив халат на край досок, она на секунду замерла, чувствуя, как кожа реагирует на открытый воздух. Воздух казался теплым, ласковым, наполненным жизнью. Она не стала медлить: аккуратно поставила ногу на верхнюю ступеньку, потом на вторую, ощущая, как прохлада обнимает лодыжки. Вдохнув поглубже, Алина решительно оттолкнулась и нырнула.

Вода встретила её прохладой. Сначала показалось — холодно, но уже через мгновение это ощущение сменилось блаженным покалыванием. Каждая клеточка кожи, истосковавшаяся по настоящей, природной стихии, словно ожила. Алина открыла глаза под водой: мир вокруг был искаженным, зеленовато-голубым, спокойным и вечным.

Вынырнув, она с шумом втянула воздух, отбросила мокрые волосы назад и перевернулась на спину. Небо над го-

ловой казалось бездонным, огромным куполом, в который можно было смотреть вечно. Она лежала, широко раскинув руки, чувствуя, как вода поддерживает её, как будто сама земля нежно покачивает её на своих ладонях. Прохлада больше не пугала — теперь она казалась ласковой, исцеляющей. Казалось, вместе с этой водой с неё смываются все тревоги, все городские мысли и ненужная суета.

Алина перевернулась на живот и поплыла. Она двигалась легко, почти невесомо, чувствуя, как мышцы отзываются на каждый гребок, как тело становится гибким и сильным. Вода обтекала её плечи, бедра, касалась груди, создавая ощущение полного, абсолютного слияния с природой. Это был восторг — чистый, детский, первозданный. Она нырнула снова, чувствуя на коже легкое течение, проплыла под водой несколько метров, до самого дна, и коснулась пальцами прохладного песка.

Выбравшись на мостки, она стояла, тяжело дыша, с её кожи стекали капли, переливаясь на солнце, как крошечные бриллианты. Она не спешила надевать халат. Просто стояла, впитывая тепло, слушая окружающий её мир и плеск воды о сваи.

— Есть Рай на земле, — мелькнула в голове тихая, ясная мысль.

И в этот момент она поняла: бабушка была права. Этот дом, этот берег, эта вода — всё это было её наследием, её скрытым ресурсом, о котором она даже не подозревала. Али-

на улыбку, чувствуя себя невероятно живой.

Глава 4. Возвращение к истокам

Новоселье

Солнце, казалось, решило устроить прощальное представление, прежде чем окончательно скрыться за лесом. Оно висело над озером огромным, раскаленным, багрово-красным шаром, превращая водную гладь в расплавленное золото, смешанное с киноварью. Отражение дробилось в легкой ряби, и казалось, что само озеро превратилось в гигантское зеркало, в котором застыл момент абсолютного покоя.

На участке возле дома у озера царило то особое оживление, которое бывает только в начале долгожданного праздника. Дым от мангала, густой, сладковатый, с ароматом березовых углей и жареного мяса, лениво стелился над головами гостей.

— Ну вот, теперь полный комплект, — Наталья с гордостью похлопала по новенькой микроволновке, которая, несмотря на свою неуместность в деревенском доме, уже заняла почетное место на столешнице. — Алин, ты потом разбери ту коробку, что я в спальню поставила. Там еще набор полотенец, плед и старый чайный сервиз. Он такой милый, теперь таких уже не найдешь.

Алина рассмеялась, чувствуя, как внутри продолжает

пульсировать та самая свежая, почти звенящая энергия, которую она обрела днем. Ей хотелось двигаться, помогать, носить тяжести — тело словно налилось приятной, упругой силой.

— Спасибо, тетушка, — она обняла Наталью, чувствуя запах её духов, чуть сладковатый с легкой горчинкой. — Ты о нас с Костей как о детях малых заботишься.

К столу, который теперь ломился от закусок, овощей и свежего хлеба, подошли Юрий Николаевич и его жена Вера. Юрий, несмотря на солидный возраст, двигался той же легкой походкой, что и Алина. Вера, оказалась улыбчивой энергичной брюнеткой, и тут же принялась поправлять салфетки, которые разлетелись от внезапного порыва теплого ветра.

— Ну что, хозяйева! — Юрий Николаевич поднял бокал, поймав в нем отблеск уходящего солнца. — За начало новой жизни на старом месте. Чтобы этот дом стоял еще сто лет, а вы собирались здесь не как гости, а как одна большая семья.

— Тост правильный, — Андрей, сидевший рядом с Натальей, улыбался, глядя на жену. Он откинулся на спинку стула, подставив лицо последним теплым лучам. — Знаете, а ведь это чудо. В потоке будней, в этой бесконечной каждодневной суете, мы даже забыли, как пахнет настоящий вечер. Не смог, не пыль, а просто... вечер.

Все замолчали. На мгновение установилась та редкая тишина, которую не нарушал даже стрекот кузнечиков. Было слышно, как вдалеке плеснула рыба, как потрескивают угли

в мангале. Костя передал тарелку с горячим мясом, и звон вилок о фарфор прозвучал почти торжественно.

— А правда, — тихо заметила Вера, глядя на закатное небо, которое из красного медленно превращалось в нежно-фиолетовое. — Как редко мы вот так сидим. Без телефонов, без планов на завтра, просто вместе. Алина, ты молодец, что решилась. Этот дом словно ждал, когда в нем снова зажжется свет.

Алина наблюдала за своими близкими. Мама что-то оживленно обсуждала с Верой и Натальей, Андрей, отец и Костя тихо спорили о чем-то своем, Юрий Николаевич с довольной улыбкой потягивал вино. В этом круге лиц, освещенных золотистым светом угасающего дня, она видела не просто новых друзей и родственников. Она видела основу. То, на чем всё держится.

Ей вдруг стало так легко и спокойно. Никаких тревог, никакого груза прошлых дней. Она взяла бокал, чувствуя, как прохладное стекло приятно холодит пальцы.

— Знаете, — сказала она, и её голос прозвучал уверенно и звонко, — я сегодня днем купалась. И вода была такой... живой. Кажется, я только сегодня поняла, что у меня есть всё, чтобы быть счастливой. Спасибо, что вы здесь.

Солнце окончательно нырнуло за горизонт. Небо окрасилось в глубокий, бархатный синий цвет, и над озером начали проступать первые звезды. В доме уютно горел свет, и тени от деревьев удлиннились, словно приглашая всех остаться

здесь навсегда, в этом моменте, который хотелось растянуть на годы.

Бездонная ночь

Суматоха сборов прошла удивительно скоро. Никто не хотел превращать уютный вечер в рутину, поэтому работа спорилась сама собой: Юрий Николаевич ловко управлялся с решеткой, Вера и Наталья, смеясь, перекладывали остатки закусок в холодильник, Андрей домывал посуду. К полуночи дом опустел. Звук моторов, постепенно затихающий вдали, подчеркнул внезапно навалившуюся тишину.

Костя задержался у крыльца, придерживая дверцу своей машины. Он внимательно посмотрел на сестру, словно оценивая её состояние.

— Не боишься оставаться одна? — спросил он тихо, без тени иронии.

Алина улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается спокойное тепло.

— Не волнуйся, братец. Все хорошо. Я так вам всем благодарна. Такой теплый вечер. Я сейчас упаду в кровать и усну...

— Хорошо! Если что, звони, — он кивнул, уже садясь за руль. — И еще, завтра часов в десять я заеду. У меня завтра рейд по озерам. Захвати купальник, очки, шляпу и что-то теплое — на моторе пойдем. Покажу тебе красоты наших озер.

— Хорошо, буду готова, — ответила она.

Когда машина Кости скрылась за поворотом, тишина вновь окутала дом, пристань, озеро. Алина вдохнула полной грудью влажный ночной воздух и пошла к воде.

Ночь была бездонной. Над озером раскинулся бархатный купол, усеянный яркими, холодными искрами звезд. Луна, почти полная, висела высоко, заливая всё вокруг призрачным серебристо-молочным светом. Она прочертила на водной глади четкую, дрожащую дорожку, которая уходила куда-то в центр озера, к самому горизонту, приглашая за собой.

Алина сбросила халат и осторожно ступила на деревянные ступени лестницы. Вода оказалась беспросветно темной. Окунувшись, она легла на спину. Было странное ощущение невесомости: казалось, она парит не в воде, а в бесконечном звездном пространстве, где нет верха и низа, а есть только мерцающий свет и безмолвие. Только легкий плеск воды о доски мостков и едва слышный шорох тростника напоминали о том, что она всё еще на земле.

Вернувшись в дом, она не стала зажигать яркий свет, оставив лишь приглушенный свет старого ночника. Стоило ей коснуться постели, как на край кровати, неслышно, словно тень, запрыгнула Дуся. Кошка свернулась калачиком, положив голову на руку хозяйки и тяжело вздохнув. Алина закрыла глаза, и сон навалился мгновенно, легкой, мягкой волной.

Ей приснилось озеро. Но оно было иным: огромным, до

краев наполненным кристально чистой синевой, в которой тонуло небо. Алина не плыла — она парила в этой необъятной лазури, невесомая, свободная от всего, что когда-либо тяготило. Она растворялась в синем свете, чувствуя, как само пространство вокруг наполняется покоем.

Легенды и мифы

Моторная лодка, разрезая зеркальную гладь озера, плавно подошла к мосткам, подняв веер сверкающих брызг. Костя, управлявший судном, ловко пришвартовался и заглушил мотор. Тишина, на секунду разорванная рокотом двигателя, вернулась.

— Привет, путешественница! — Костя спрыгнул на доску, его лицо сияло от утренней бодрости. Он был одет в форменную одежду и бейсболку, а на шее висел бинокль. — Готова к открытию новых горизонтов?

— Абсолютно, — Алина улыбнулась, подавая ему корзинку. — Упакована и экипирована. Дусю оставила дома, она решила, что сегодня день ленивого созерцания, а не приключений.

Костя подхватил её корзинку и помог Алине спуститься в лодку. Внутри было чисто, пахло бензином и разогретым на солнце пластиком. Она устроилась на сиденье, чувствуя, как лодка слегка покачивается от её движений.

— Ты не представляешь, сестренка, сколько здесь скрытых проток, заводей и островов, — произнес Костя, указывая рукой на дальний берег, частично скрытый прибрежным тростником. — Большинство людей видят только гладь воды, но не замечают того, что скрыто за фасадом реальности. В этом путешествии мы с тобой сделаем шаг за эту грань.

Мы попробуем прикоснуться к мифам и легендам Браславских озер — если они, конечно, захотят нам открыться.

Костя вновь указал на плотную стену тростника, за которым угадывались очертания поросших лесом берегов:

— Курс на тот берег.

Алина кивнула, поправляя солнцезащитные очки. Лодка набрала скорость, как только они выбрались из заводи с мостками, превращая берег в размытую зеленую ленту. Ветер моментально растрепал её волосы, но это было даже приятно.

Первые минуты Алина молчала, наслаждаясь скоростью и простором. Вода вокруг них меняла цвет: от прозрачной бирюзы на мелководье до глубокого, почти чернильного ультрамарина на глубине.

— А как там твои дела на работе? — крикнул Костя, стараясь перекрыть шум мотора.

Алина на мгновение замерла. Вопрос застал её врасплох, выдернув из состояния медитации. Вчера она почти не думала об этом, а сейчас... странно, но тревога, которая раньше сжимала грудь при мысли об офисе, сейчас казалась чем-то очень далеким, почти нереальным.

— Знаешь, — она чуть повысила голос, чтобы её услышали, — сейчас кажется, что работа — это какая-то другая жизнь. Словно я смотрю кино про человека, которым была всего лишь два дня назад. Пока не знаю, что буду делать, когда вернусь, но сегодня я об этом думать точно не буду.

Костя одобрительно хмыкнул и начал сбавлять ход. Лодка плавно вошла в узкий пролив между двумя небольшими островами. Здесь было тихо, вода была неподвижной. В ней отражались облака.

— Вот тут, — прошептал он, словно боясь спугнуть тишину, — очень красивое место. Смотри.

Алина осмотрелась и затаила дыхание. Перед ее взором лежала лагуна, густо заросшая кувшинками и лилиями. Свет, пробивающийся сквозь заросли прибрежной растительности, падал на воду, создавая причудливые блики. Это было похоже на зачарованный сад, спрятанный от всего мира, где время, казалось, остановилось навсегда.

Алина протянула руку, едва коснувшись кончиками пальцев широкого темно-зеленого листа кувшинки, покачивающегося у самого борта. Белоснежные лепестки лилий, словно крошечные фарфоровые чаши, раскрылись навстречу утреннему солнцу, покачиваясь на гладкой, как матовое стекло, поверхности воды.

— Красиво, правда? — голос Кости вернул её к реальности. Он заглушил мотор, давая лодке возможность по инерции скользить вперед, и, вытирая руки ветошью, развернулся к ней. — Это только прелюдия. Наш основной маршрут гораздо масштабнее.

Он достал из кармана сложенную карту, но тут же убрал её, решив, что объяснять на пальцах куда интереснее.

— Сейчас мы находимся в акватории озера Войсо, потом

возьмем курс в сторону деревни Михеевцы, — начал он, указывая рукой куда-то вдаль, за густую стену тростника. — Там есть узкая протока, почти скрытая зарослями. Над протокой перекинут старый деревянный мост. Мы пройдем прямо под ним, а потом, как по волшебству, окажемся в водах озера Струсто.

— Струсто? — переспросила Алина, щурясь от яркого солнечного света. — Я слышала, оно огромное.

— Огромное — это мягко сказано, — Костя улыбнулся. — Это настоящая водная страна с десятками островов и туристических стоянок. Существует мнение, что название восходит к балтскому корню *stru-* (течь, струиться) или *strut-* (связанному с быстрой водой). Это может указывать на проточный характер озера или наличие в прошлом или настоящем впадающих ручьев, создающих течение.

Есть и другая, менее распространенная версия названия озера. Она связывает корень со словами, обозначающими «островок» или «водное пространство», однако большинство исследователей все же склоняются к первой версии, к балтийским корням, характерным для гидронимии региона Браславских озер. Вот так, сестренка. Но наша цель сегодня — остров Чайчин.

Костя внимательно посмотрел на Алину, в глазах его блеснули озорные огоньки:

— А знаешь почему остров Чайчин?

— Почему?

— Эх, для непонятливых объясняю. Название происходит от слова «чайка» — названия птицы, которая в большом количестве обитает на этом острове.

— Так просто?!

— Да, сестренка, так просто. Кроме чаек там есть две потрясающие лагуны с таким белым песком, что кажется, будто мы где-то на тропических островах, а не здесь, в родной Беларуси. Мы обязательно там искупаемся. А еще на самом острове спрятано внутреннее озеро — оно совершенно дикое, всё заросшее кувшинками и лилиями. Настоящий затерянный мир. План такой. Готова к настоящему путешествию?

Алина почувствовала, как внутри неё разливается тепло, сменяющееся ожиданием новых открытий и впечатлений.

— Готова. Поехали!

— Раз уж мы заговорили про названия озер, — негромко начал Костя, не запуская мотор, — нельзя обойти стороной и озеро Войсо. Ведь Войсо — это озеро с характером.

Алина, наблюдающая за солнечными бликами на воде, подняла голову:

— С характером? Что это значит?

— Оно непредсказуемое. Местные рыбаки говорят, что Войсо требует уважения. Это озеро известно своей невероятной прозрачностью. В солнечный день, если выйти на лодке на середину, можно рассмотреть дно даже на большой глубине. Кажется, что ты паришь в воздухе, а не плывешь по

воде. Но эта прозрачность — своего рода ловушка.

— Ловушка? — Алина придвинулась ближе. — Как это?

— Озеро любит испытывать людей, — Костя понизил голос до таинственного полусшепота. — Существует старое поверье, что Войсо — это глаз земли. Оно видит тебя насквозь. Бывали случаи, когда опытные лодочники, привыкшие к здешним местам, вдруг теряли ориентацию, хотя берег был буквально в нескольких сотнях метров. Вроде бы плывешь прямо к пристани, а через десять минут понимаешь, что кружишь на одном месте или тебя сносит в сторону протоки.

Алина усмехнулась, хотя в её глазах читалось легкое беспокойство:

— Ты про призраков, Костя? Может, это просто течения?

— Может, и течения, — согласился Костя, хитро прищурившись. — Но есть легенда про Войсо, которая объясняет это иначе. Говорят, давным-давно, когда эти земли еще не были покрыты лесами, здесь жило племя, которое поклонялось духам воды. Они верили, что в Войсо живет Хозяин — существо, которое следит за порядком. И если человек приходит на озеро с недобрыми мыслями, с шумом или злобой, Войсо начинает «путать» его. Поднимает легкую рябь, скрывает дно под отражением неба, делает воду зеркальной.

Алина усмехнулась:

— То есть, если я приеду сюда рыбачить и буду ругаться на плохой клев, я заблужусь?

— Именно, — кивнул Костя. — Войсо не любит суеты. Оно требует тишины. Говорят, что, если зайти в воду рано утром, когда туман еще стелется над поверхностью, можно услышать странный гул. Будто озеро «дышит». Некоторые старики утверждают, что это эхо старых времен, когда вокруг Войсо проводили обряды.

Костя посмотрел на Алину и продолжил:

— А ты заметила, какая тишина рядом с твоим домом? Даже птицы ведут себя иначе, чем в городе. Здесь чувствуешь себя... маленьким. Войсо напоминает нам, что природа была здесь задолго до нас и останется после.

Алина посмотрела на полосу горизонта, где небо сливалось с озером.

— Значит, Войсо — это зеркало совести? Кто приходит с миром — видит глубину и чистоту, а кто с камнем за пазухой — блуждает в тумане?

— Красиво сказано, сестренка! — Костя одобрительно кивнул. — Думаю, именно так. Посмотрим, пустит оно нас сегодня к своим тайнам или решит «покружить».

— Теперь я точно буду всю ночь прислушиваться к этому «дыханию» озера.

— Это хорошо, — отозвался Костя. — В Браславе главное — не просто смотреть, а слышать. Озера здесь очень разговорчивые, если, конечно, уметь их слушать.

Водные просторы

Костя снова запустил двигатель. Лодка, вздрогнув, плавно набрала скорость, и через мгновение они уже разрезали просторы озера Войсо, направляясь к протоке, что выведет их в озеро Струсто.

Когда лодка, плавно покачиваясь на мелкой ряби, покинула широкие просторы озера Войсо и вошла в узкую, почти теряющуюся в зелени протоку, воздух сразу стал иным, обильно пропитанным сладковатым ароматом трав.

— Держись, сейчас начнется самое интересное, — предупредил Костя, и звук мотора изменился, перейдя с уверенного рокота на приглушенное, утробное ворчание.

Костя перевел рычаг газа на самый минимум. Лодка послушно замедлила ход, почти замерла, но все еще уверенно резала зеркальную гладь. По обе стороны протоки плотной стеной выстроились ивы и высокий ольшаник, чьи гибкие ветви местами низко склонялись к воде, образуя естественный зеленый коридор.

Изредка тишину нарушали голоса людей. На ухоженных берегах то и дело мелькали яркие пятна пляжных зонтов и разноцветные шезлонги. Возле гостевых домов, приютившихся совсем близко к кромке воды, отдыхающие жарили шашлыки; слышался звон посуды, залиvistый смех детей и чья-то музыка, доносящаяся как будто издалека. Кто-то, за-

метив их лодку, лениво махал рукой.

— Струсто — озеро коварное, но вход в него еще интереснее, — Костя чуть повернул румпель, направляя нос лодки строго по центру прохода.

Впереди показались остовы старого моста. Деревянные сваи, потемневшие от времени, обросшие склизким зеленым мхом, напоминали челюсти доисторического зверя, выступающие из воды.

Алина невольно подалась вперед, вцепившись в борт лодки.

— Не бойся, — Костя уверенно управлял лодкой, но по его напряженной спине она поняла, что он предельно сконцентрирован. — Главное здесь — не спешить и слушать воду.

Он мастерски маневрировал между сваями. Лодка шла медленно, почти бесшумно, едва касаясь воды винтом. Костя действовал филигранно: короткие, скупые движения румпелем, легкая подгазовка, чтобы лодку не развернуло течением, которое здесь, в узком месте, становилось ощутимым. Вот до ближайшей сваи оставалось не больше метра — виднелись даже рыжие пятна ржавых гвоздей, торчащих из старого дерева. Алина затаила дыхание, боясь спугнуть этот хрупкий баланс.

Лодка мягко, как будто нехотя, просочилась сквозь узкий пролет. Костя выдохнул, едва заметно улыбнувшись краем губ, и тут же, поймав нужный ритм, плавно прибавил обо-

роты.

— Ну вот, — сказал он, когда позади остались последние опоры и перед ними, словно распахнув объятия, раскинулось озеро Струсто, поражающее своей прозрачностью и простором. — Добро пожаловать на большую воду. Теперь можно и перевести дух.

Как только они оказались на открытой воде, поднялась заметная волна. Костя, привычно сменив положение, начал умело направлять лодку так, чтобы острый нос резал волну, не позволяя воде захлестывать борт. Вода здесь вела себя совсем иначе, чем в тишине прибрежных зарослей: под лучами солнца она ожила, рассыпаясь миллионами серебристых искр и подпрыгивая на мелкой, игривой ряби.

Алина, привыкшая к более мелким водоемам, была искренне поражена открывшимися масштабами, где необъятная гладь озера сливалась с горизонтом. Каждый блик казался рассыпанными драгоценными камнями, а вся поверхность озера превращалась в живое, переливающееся полотно.

Над головой, в бездонной синеве, медленно дрейфовали ватные облака. Они были такими плотными и пушистыми, что хотелось протянуть руку и потрогать их, как мягкую шерсть.

Ветер, свежий и прохладный, с силой ударял в лицо, отбрасывая пряди волос назад. Он пах озерной прохладой, дикими травами и свободой. Алина закрыла глаза на секунду,

вдыхая этот воздух полной грудью. Они летели вперед, навстречу неизвестности. Впереди ждали протоки, лагуны и таинственное внутреннее озеро на острове Чайчин. Жажда приключений, острая и понятная, как никогда, стала единственным чувством, которое имело значение в этот миг. Весь остальной мир остался где-то далеко, на берегу, а здесь была только скорость, бесконечная синь и двое людей, готовых открыть новую страницу этого лета.

Остров Чайчин

Июльское солнце, раскалившее воздух до предела, казалось, плавало горизонт, превращая линию воды в дрожащее марево. Но здесь, посреди озера Струсто, эта жара воспринималась иначе. Встречный ветер, пропитанный влагой, приятно охлаждал кожу, а пронзительно-синяя гладь воды обещала долгожданную прохладу.

Костя вел лодку уверенно. Его рука, лежащая на ручке управления мотором, двигалась плавно, словно он был продолжением этого механизма. Лодка послушно разрезала волны, оставляя за собой широкий пенистый след.

Алина, зажмурившись от яркого света, подставила лицо солнцу. Она чувствовала, как ветер путается в волосах, а в ушах стоит монотонный, убаюкивающий гул мотора. Костя иногда что-то говорил, указывая на берег, но Алина лишь слушала и кивала. Ей не хотелось кричать в ответ, перекрывая шум двигателя. Хотелось молчать, ловить блики солнца на воде, рассматривать редкие, пушистые облака и просто быть здесь, в этот момент, который казался идеальным в своей неповторимости.

Спустя некоторое время Костя сбросил скорость, и лодка по инерции скользнула к густой зелени острова. Он махнул рукой в сторону виднеющихся впереди деревьев:

— Это остров Чайчин. Сейчас обойдем его, мы находимся

со стороны узкой косы. Причалим в лагуне.

Когда лодка на малом ходу вошла в залив, Алина с интересом стала рассматривать проплывающие мимо пейзажи. Сердце готово было выскочить из груди: перед ними открылась настоящая жемчужина. Вода здесь была настолько прозрачной, что казалось, будто лодка парит над песком, а не плывет по глубине. Берег был пологим, низким, устланным белоснежным, мелким песком, который на солнце слепил глаза. Где-то вдалеке в тростнике еле слышно шуршала вода, словно шепталась с сушей.

Костя мастерски направил лодку прямо на мель, и нос мягко уткнулся в песок.

— Алина, ты чего замерла? Идем купаться! А потом пройдемся по самому острову.

Он сбросил кроссовки, стянул форменные брюки и рубашку, оставшись в легких плавках, и грациозно нырнул в воду. Алина, последовав за ним, осторожно коснулась воды ногой. Она была прохладной, освежающей — идеальный контраст после палящего июльского зноя.

Они плавали долго, наслаждаясь чистотой озера Струсто. Когда силы иссякли, они забрались на борт лодки. Алина достала корзину, они пили чай с печеньем, сидя в полной тишине. Солнце нежно, но настойчиво касалось плеч.

Костя внимательно посмотрел на нее:

— Алина, ты совсем белая. Смотри, солнце здесь обманчивое. Кажется, что оно просто ласкает, а потом... сгоришь

моментально.

— Нет, все нормально, — отмахнулась она, улыбаясь. — Сейчас немного просохну и надену футболку.

Они еще немного посидели, отдыхая, а затем переоделись для прогулки. В глубине острова пейзаж менялся: среди вековых деревьев скрывались старые, полуразрушенные беседки и облупившиеся щиты для пейнтбола — следы чьих-то шумных игр, теперь поглощенных природой. Костя отвел Алину по узкой тропинке вглубь острова к крошечному, идеально круглому озеру. Оно выглядело как зеркало, оправленное в густую зелень, и было почти полностью покрыто белыми лилиями и желтыми кувшинками. Это место казалось тайным, защищенным от всего внешнего мира.

Когда они вернулись к лодке и отчалили, Костя направил судно в другую сторону.

— Теперь пройдем по протоке между островами Чайчин и Шова, — объявил он. — А там впереди видишь мыс? Это Каменный рог.

Пока лодка медленно шла по узкому проливу, Алина заворуженно смотрела по сторонам.

— А почему остров называется Шова? — спросила она.

Костя, не отрывая взгляда от воды, ответил:

— Лингвисты до сих пор спорят. Есть красивая версия, что название происходит от древних балтийских корней, связанных с тишиной или покоем. А по другой — это отголосок того, что здесь когда-то были сенокосные угодья, «шов»

— как след, полоса скошенной травы. Но мне больше нравится версия про тишину. Здесь она действительно ощущается иначе, не находишь?

Они прошли мимо острова Шова, любуясь его береговой линией, прошли протоку и вновь вышли на просторы озера Струсто. Встречный ветер снова наполнил легкие свежестью.

Алина посмотрела на Костю с благодарностью. Она знала, что этот день был особенным.

— Тебе не страшно? — спросил Костя, заметив, как девушка слегка сжалась, когда лодка накренилась на волне.

— Нет, — искренне ответила она. — Наоборот. Это так... по-настоящему. Знаешь, я всю неделю в городе только и думала о том, как бы оказаться там, где можно не смотреть на часы. Спасибо, Костя. Я никогда не видела ничего подобного.

Костя улыбнулся, его взгляд стал мягче. Он умело развернул лодку, и нос лодки разрезал пенный гребень, направляясь в сторону узкой протоки в озеро Войсо.

Обратный путь с острова Чайчин занял более получаса. Воздух вокруг дрожал от монотонного, низкого гула лодочного мотора, который, казалось, вытеснял из пространства любые звуки, кроме своего собственного настойчивого ритма. Этот шум стал своеобразным фоном, отделяющим мир берега от их лодки, стремительно разрезающей водную гладь.

Костя сидел на корме, уверенно управляя мотором. Он то

и дело поднимал одну руку, чтобы указать вперед или в сторону — на причудливый изгиб береговой линии, на старый покосившийся причал или на стайку водоплавающих птиц, поднявшихся в небо от их приближения.

Алина, устроившись на жесткой деревянной скамейке, ловила эти его жесты. Она внимательно смотрела туда, куда он указывал, иногда улыбалась в ответ и кивала, хотя некоторых слов Кости все равно было не разобрать. В этом не было необходимости: безмолвный диалог жестов и взглядов казался даже более естественным, чем попытки перекричать рёв двигателя.

Но вскоре она перестала пытаться уловить контекст его замечаний. Вся ее суть растворилась в том, что происходило вокруг. Эти тридцать минут превратились в состояние глубокой, почти медитативной отстраненности.

Вода сегодня была особенной. Солнце, висевшее высоко в зените, щедро рассыпало по поверхности озера тысячи ослепительных бликов. Каждая крошечная волна, поднятая килем лодки, превращалась в танцующее зеркало, от которого невозможно было оторвать взгляд. Свет дробился, вспыхивал и гас, создавая иллюзию голубой бесконечности, разлитой до самого горизонта.

Выше, в бесконечно глубоком небе, застыли облака. Они напоминали огромные куски небрежно оторванной ваты, настолько объемные и пушистые, что казалось, их можно потрогать рукой, стоит лишь чуть выше поднять ладонь. Они

медленно плыли, почти не меняя формы, подчеркивая безмятежность этого летнего дня.

Алина закрыла глаза, подставив лицо теплову ветру, который, смешиваясь с брызгами, приятно охлаждал кожу. Она чувствовала себя частью этого пейзажа — бесконечного простора, где нет места суете, важным разговорам или планам на будущее. Здесь существовали только вибрация мотора под ногами, запах бензина, перемешанный с ароматом свежей озерной воды, и этот визуальный восторг, который она впитывала в себя, словно стараясь запомнить каждую деталь на случай серых будней.

Время в лодке сжалось. Тридцать минут пролетели как одно мгновение, превратившись в чистое ощущение покоя, когда единственным верным решением было просто смотреть вперед, кивать на невидимые знаки и позволять солнцу греть плечи.

— Это только начало, — пообещал Костя, перекрывая гул мотора, который снова набрал обороты. — Браслав — это не просто озера. Это лабиринт. И я обещаю, что мы найдем еще немало секретов, спрятанных за этими мысами и островами.

Теперь они уже мчались по Войсо, и брызги воды, разлетающиеся веером, казались Алине драгоценными камнями. Путешествие по системе Браславских озер раскрывалось перед Алиной словно ожившая карта, на которой каждый поворот руля приносил новые открытия. Она знала, что этот день станет для неё отправной точкой — началом большой

любви к этому краю, где названия островов, такие как Чай-чин или Шова, теперь звучали для нее как старые добрые имена близких друзей.

— Спасибо, Костя. Это было потрясающее путешествие, — тихо сказала она, когда шум мотора стих при подходе к причалу.

Тихий вечер в доме у озера

Звук мотора затих где-то вдали, растворившись в после-полуденной тишине. Костя уехал, оставив после себя лишь легкий запах бензина, который быстро улетучился, уступая место аромату прогретой сосновой хвои и цветущих трав. Алина подхватила корзину и пошла к дому по невысокой траве. Каждый шаг отдавался приятной тяжестью в ногах — усталость после долгого дня на воде была не изматывающей, а какой-то приятной, целительной.

Ей было невероятно хорошо. Внутри, в самой глубине души, разливалось тихое, тягучее спокойствие, какого она не чувствовала уже много месяцев. Она была искренне благодарна брату. Сегодняшнее путешествие стало чем-то большим, чем просто прогулка на лодке; это был мост, перекинутый через пропасть последних лет их отчуждения.

Раньше они были просто родственниками, которых иногда сводили вместе семейные праздники — обязательные, шумные, немного неловкие. А сегодня она увидела в Косте себя, только более цельную, более настоящую. Два рыжих, кудрявых, вечно стремящихся к чему-то яркому человека. Пока все их ровесники, включая саму Алину, дружно шагали в IT-сферу, гонясь за престижем и цифрами в контрактах, Костя выбрал лес и озера. Технологический университет, факультет лесного хозяйства — тогда это казалось ей

странным, почти эксцентричным. Он всегда с горящими глазами рассказывал про озера, про тонкости рыбалки, про свое желание остаться здесь, в родном городе. Алина тогда лишь вежливо кивала, не понимая, как можно променять весь мир на один маленький уголок на карте.

Теперь, после этой поездки, ее мнение изменилось. Она видела мир: океаны, чужие культуры, архитектуру великих городов. Но всё это было лишь короткими вспышками, которые сгорали в бешеном ритме долгих рабочих будней. Её жизнь — это бесконечная череда дней и ночей перед экраном монитора, где недели сливались в месяцы, а месяцы — в годы. У неё было всё, о чем принято мечтать: квартира, машина, уверенность в завтрашнем дне. И при этом — хроническая, въевшаяся под кожу усталость, которую не лечил даже самый дорогой отдых и долгий сон.

Она открыла дверь дома, и в прихожую тут же выбежала Дуся, встречая хозяйку требовательным и радостным мяуканьем.

— Соскучилась, Дуся? — Алина присела на корточки, закрываясь пальцами в мягкую шерстку кошки. — Твоя хозяйка бросила тебя, а сама наслаждалась жизнью. Но я вернулась, и я принесла с собой кусочек счастья.

Алина быстро переоделась в легкие шорты и хлопковый топ. Подойдя к зеркалу, она невольно улыбнулась своему отражению. Волосы, перепутанные ветром и водой, лежали хаотичной, почти дикой копной. Но глаза — эти яркие зеленые

глаза — сияли тем светом, который обычно гаснет к вечеру вторника в офисном центре. На носу и щеках отчетливо проступили веснушки, а кожа, подернутая легким загаром, приятно пощипывала. Никакой боли, лишь ощущение того, что она живая. На всякий случай, чтобы успокоить кожу, она нанесла мягкую пенку пантенола, чувствуя, как приятная прохлада окутывает плечи.

Голод заявил о себе внезапно, но это был приятный, здоровый аппетит. После вчерашнего новоселья холодильник был полон еды — друзья и родные постарались на славу. Алина достала овощи, ароматные кусочки вчерашнего шашлыка и отправила их в микроволновку. Пока чайник с шумом закипал, она чувствовала себя совершенно счастливой. Это простое действие — подогреть еду, дождаться кипятка — сейчас казалось вершиной домашнего уюта.

Трапезу она устроила на веранде. Вечер опускался на землю мягкими сумерками, окрашивая небо в нежно-сиреневые тона. Алина медленно жевала, запивая еду крепким, обжигающим кофе, и ловила каждое мгновение этого покоя. Дуся устроилась рядом, сворачиваясь клубком и тихо мурлыча. Это было то самое чувство, ради которого стоило работать — не ради бесконечных строк кода, а ради возможности наконец-то остановиться. Она смотрела на лес, окружающий дом, слушала стрекот кузнечиков и понимала: она дома. Не просто в здании из кирпича и бетона, а в месте, где ее душа наконец-то перестала бежать. Она наконец-то начала дышать

полной грудью, и этот покой, хрупкий, как крыло бабочки, был самым ценным, что у нее сейчас было.

Скрип полозьев кресла-качалки стал единственным звуком, заполнявшим пространство веранды, если не считать далекого, едва различимого шума ветра в тростнике. Ритмичное покачивание убаюкивало. Дуся, уютно устроившись на коленях, то и дело вздрагивала во сне, перебирая лапками, словно бежала за кем-то в своих кошачьих снах. Алина чувствовала тепло, исходящее от маленького тельца, и этот контакт был как невидимая нить, связывающая её с реальностью, не дающая окончательно провалиться в дрему.

Её рука, поддавшись привычке, сама потянулась к карману шорт, где лежал смартфон. Экран загорелся, ослепляя мягким светом в наступивших сумерках. Длинный список уведомлений и пропущенных вызовов отозвался в груди неприятным, острым уколом. «Мама», «Марк», «Работа (общий чат)» — имена всплывали как тревожные сигналы. Марк... Даже просто видеть это имя на экране было сейчас лишним. Ей совершенно не хотелось объясняться, обсуждать рабочие моменты и планы или рассказывать о том, что она «нашла себя». Это было её, только её, и делиться этим кусочком тишины с кем-то, кто не поймет, казалось почти предательством по отношению к самой себе.

Она смахнула уведомления, словно пыль с зеркала, и открыла «Галерею».

С экрана на неё смотрела совершенно другая девушка. Не

та Алина, которая сутулится перед монитором в попытках сдать проект в срок, а та, о существовании которой она почти забыла. Бескрайняя синь озера, пойманная объективом, казалась почти нереальной, словно её подкрасили в фоторедакторе. Костя, конечно, умел ловить моменты — он всегда чувствовал свет, даже если технически не всегда был идеален.

Она листала снимки, задерживаясь на каждом. Вот она на носу лодки: волосы, непослушные рыжие кудри, развеваются на ветру, превращаясь в спутанный ореол. Глаза прищурены не от усталости, а от яркого солнца. Вот кадр покрупнее — она задумчиво смотрит вдаль, туда, где небо сливается с водой, и в этом взгляде столько покоя, сколько не купишь ни за какие деньги.

А потом был снимок, который заставил её выдохнуть. Она только что вышла из воды, волосы прилипли к плечам, на мокром теле дрожат капли, а улыбка — широкая, искренняя, без тени притворства — делала её лицо почти детским. Она выглядела такой живой, такой счастливой, что Алине на секунду показалось, будто это фотография какого-то другого человека, далекого, но бесконечно близкого.

— Смотри, Дуся, — прошептала она, ткнув пальцем в экран. Кошка лишь приоткрыла один желтый глаз, зевнула и снова уткнулась носом в лапы.

Алина откинулась на спинку кресла. Эти фотографии были не просто цифровым мусором, который обычно копится в

памяти телефона. Это были доказательства того, что счастье существует. Оно не в больших достижениях, не в покупке новой машины или повышении по службе. Оно — в водяных каплях на коже, в запахе сосен, в том, как ветер треплет волосы, в умении просто наслаждаться моментом.

Она заблокировала телефон и положила его на стол рядом с пустой кофейной чашкой. Пока никаких звонков. Никаких «надо» и «срочно». В этот вечер у неё был только один долг — сохранить это состояние, этот тихий огонек внутри, который, она чувствовала, мог помочь ей пережить ещё не одну рабочую неделю.

Алина прикрыла глаза, продолжая медленно покачиваться в такт своим мыслям. Где-то там, за пределами этой веранды, мир продолжал крутиться, лететь и требовать её участия, но здесь, сейчас, она была неприкосновенна. Она была в тихом доме у озера.

Разговоры

Резкий звук рингтона ворвался в вечернюю тишину. Алина вздрогнула, Дуся недовольно фыркнула и спрыгнула с колен, мгновенно растворившись в тенях веранды.

На экране светилось имя «Мама». Алина прикрыла глаза, чувствуя, как внутри нарастает привычное напряжение, но всё же нажала «Ответить».

— Алина! — голос матери, как всегда, звучал бодро и немного суетливо. — Костя вернулся с работы и рассказал, что вы сегодня ходили на лодке, столько всего увидели! Как ты вообще? Не скучаешь там в своей глуши?

Алина сделала глубокий вдох, стараясь сохранить остатки того спокойствия, что ещё минуту назад разливалось в груди.

— Мам, всё хорошо, — мягко ответила она, глядя, как последние розовые полосы заката медленно тают за верхушками сосен. — Костик замечательный проводник, передай ему спасибо, мне очень понравилось. Я здесь просто дышу, понимаешь? Сидим с Дусей на веранде, на закат смотрим. А вы как?

— Да как мы... Папа твой совсем с ума сошёл, с утра до ночи на озере, рыбалка у него, видите ли! — мама затараторила, явно перекладывая в слова накопившуюся энергию. — Мы с Наташей вот, хозяйством занимаемся, обеды-ужины готовим. Днём на пляж выбираемся, купаемся хоть иногда.

Но, доча, грустно: в субботу уже всё, возвращаемся в Минск. Отпуск-то не резиновый.

— А у меня, мам, он только начался, — Алина улыбнулась, и в голосе её прорезались нотки настоящей свободы. — Всего два дня прошло, а событий — как за целый месяц. Мне здесь очень нравится.

Попрощавшись с мамой, Алина ненадолго задержала телефон в руках. Тишина вернулась, но теперь она казалась «чужой», нарушенной голосом из внешнего мира. Она решительно нажала кнопку вызова: «Марк».

Гудки шли долго, и она уже надеялась, что он не возьмет трубку. Но на пятом сигнале послышался знакомый, чуть хрипловатый голос.

— Привет, пропажа? Ты где? Мы тут с ног сбились, проект...

— Марк, — перебила она, стараясь, чтобы голос звучал твердо, но спокойно. — Я сейчас сижу на берегу озера.

— На берегу озера? — в голосе Марка отчетливо слышалось удивление, смешанное с сарказмом. — Ты не могла бы глянуть правки по...

— Марк, — Алина снова перебила его, чувствуя, как внутри растет протест. — К твоему сожалению, а к моей несказанной радости, интернета здесь нет. Дом стоит в лесу, связь ловит через раз. Поэтому, если что-то действительно срочно и критично — я могу доехать до города, найти сеть и посмотреть. Но это будет стоить мне времени.

Наступила пауза. Алина представила, как Марк, вероятно, сидит в своём светлом офисе, окруженный гулом техники.

— Нет, — наконец выдохнул он. — Не настолько это важно, чтобы ты куда-то ехала. Раз уж ты в лесу...

Он вдруг искренне рассмеялся.

— Так на каком ты озере?

— Марк, я на Браславских, — Алина позволила себе улыбку. — У меня тут релакс высшей пробы. Солнце, тёплая вода, черничные пироги и полная тишина. Так что, раньше чем через три недели я не вернусь. Даже не проси.

В трубке послышался долгий, тяжелый вздох, за которым последовал тихий, примирительный смех.

— Ладно, — сказал Марк, и в его тоне внезапно исчезла вся деловая холодность. — Ты молодец, Алина. Хорошо поработала перед отъездом, заказчики в полном восторге, мы всё закрыли. Отдыхай. Обещаю — беспокоить не буду. Ну, если, конечно, не случится чего-то совершенно невообразимого, что потребует конца света.

— Договорились, — ответила она. — До связи.

Алина положила телефон на стол экраном вниз. Она ощутила, как с плеч упал тяжелый невидимый груз. Мир, требовавший от неё постоянного присутствия, отступил, признав её право на отдых.

Она снова откинулась на спинку кресла. Воздух стал прохладнее. Солнце ушло на покой. Где-то в темноте веранды тихо замурлыкала Дуся, почувствовав, что хозяйка сно-

ва принадлежит только себе. Всё было просто замечательно. Алина закрыла глаза, погружаясь в эту блаженную, ничем не потревоженную ночь.

Планы

Плед, подаренный Натальей, оказался удивительно уютным. Алина плотнее запахнула его на плечах, чувствуя, как тепло шерсти прогоняет остатки прохлады после ночного заплыва. Кожа до сих пор приятно покалывала от прикосновения ночной озерной воды; ощущение полной свободы, когда стихия касается обнаженного тела, было почти магическим. В этой тишине, наедине с природой, Алина чувствовала себя так, словно сбросила не только одежду, но и все наслоения своей прежней жизни.

Над озером застыла полная, почти осязаемая Луна. Она заливала окрестности призрачным, холодным светом, от которого темная вода напоминала чернильную тушь. По поверхности тянулась тонкая, дрожащая лунная дорожка — серебряная нить, проложенная прямо к подножию её веранды.

Алина сделала глоток травяного чая. Он уже почти остыл, но терпкий вкус мяты и душицы всё еще приятно обволакивал горло.

Надо было составить план на завтра. Суббота — день «икс»: родители собираются обратно в Минск. Значит, завтра, в пятницу, с утра нужно выдвигаться в Браслав, чтобы успеть застать их до отъезда, поболтать, обняться на прощание. А потом — город. В голову внезапно пришла мысль о продуктах, и перед глазами почти физически возникла кар-

тина: ледяной стаканчик мороженого. Она почти ощутила этот вкус — сливочный, с легкой кислинкой, мгновенно тающий на языке. Здесь, вдали от кондиционеров и офисного шума, самая простая еда казалась чем-то невероятно роскошным.

После супермаркета — напрямик сюда. Снова на причал. Солнце, вода, книги, ленивое наблюдение за стрекозами. А что делать вечером? Алина задумчиво коснулась края кружки. Может, написать Косте? В конце концов, местная жизнь оказалась гораздо интереснее, чем она могла предположить, а компания хорошего проводника всегда была, кстати.

Мысли начали путаться, становясь ленивыми и тягучими, как предрассветный туман. Веки налились тяжестью. Ночной лес вокруг веранды тихо дышал — шорох листвы, отдаленный крик ночной птицы, мерное плескание воды о деревянные сваи причала. Это был не пустой звук, а колыбельная.

Алина откинула голову на спинку кресла. Завтра будет завтра. Новые планы, новые открытия, новая радость. А сейчас — только тишина, серебро на воде и этот хрупкий, драгоценный покой.

Алина вошла в дом, закрыла дверь на засов и отправилась в спальню. Легла в кровать. Она закрыла глаза, и почти мгновенно погрузилась в сон.

Глава 5. Viva Braslav

Масштаб подготовки

Сонный Браслав, который Алина помнила, как тихий провинциальный город, встретил ее непривычным гулом. Она свернула с трассы, ожидая увидеть привычную безмятежность озерного края, но вместо этого уперлась в плотный поток машин с минскими, брестскими и гродненскими номерами. Город жил. Он пульсировал, шумел и выплескивал энергию так, будто внезапно превратился в столичный проспект Победителей в самый разгар пятничного часа пик.

И тут ее осенило. Календарь на панели приборов мигнул датой: конец июля. Конечно! «Viva Braslav 2025». Город на несколько дней превращался в эпицентр музыкального безумия страны.

Вид на городской пляж заставил ее замедлить ход: подготовка, которую там развернули, впечатляла своей грандиозностью. На берегу, прямо над гладью озера, выросал гигантский скелет сцены. Техники, похожие на муравьев, деловито сновали по металлическим фермам, развешивая массивные блоки акустики и прожекторы, которые к ночи должны были разрезать небо на миллионы световых фрагментов. Чуть дальше, в отведенных зонах, уже начали прорастать, слов-

но грибы после дождя, разноцветные палаточные городки. Кто-то уже расстилал коврики, кто-то доставал гитару, воздух был пропитан ожиданием музыкального праздника — дерзким, электрическим.

Сердце предательски дрогнуло. Перед глазами вспыхнула картинка из прошлого: шесть лет назад. Она с Алексеем, с друзьями, безумный ритм баса, который чувствуешь каждой клеткой, танцы до рассвета, пока ноги не превращались в вату, и то самое невероятное чувство, что вся Вселенная сжалась до размеров одной фестивальной площадки. Они были молоды, полны иллюзий и уверены, что эта музыка будет играть вечно.

От воспоминаний стало немного тесно в груди, и Алина поспешила к дому Натальи. Но и там тишины не оказалось. На пороге стоял чемодан, папа суетливо перебирал рыболовные снасти, проверяя чехлы и ящики, а мама с озабоченным видом укладывала в сумки какие-то банки.

— Алина, как хорошо, что ты приехала! — воскликнула тетя Наташа, выбегая из кухни с двумя огромными пакетами. — Твои родители решили сегодня же отсюда выбираться, пока дороги не перекрыли окончательно.

Она с силой сунула племяннице в руки пакет, от которого веяло свежестью грядки.

— Держи, тут огурчики, помидоры, кабачки! В вашем Минске такого нет, там одна химия в магазинах, а тут всё своё, солнцем пропитанное!

Родители суетились, стараясь успеть до наплыва основного потока туристов. Алина не стала их задерживать — в этой кутерьме лишние вопросы были бы только обузой. Она быстро поцеловала маму, крепко обняла отца и тетю Наташу, пообещав родителям быть на связи, а к тете Наташе заехать после выходных.

По пути завернула в торговый центр «Виталич». Внутри творилось невообразимое: полки с пивом, чипсами и наборами для шашлыка пустели на глазах. Люди с тележками, забитыми под завязку, напоминали марафонцев, готовящихся к самому важному забегу в жизни. Она тоже не удержалась и закинула в корзину самое необходимое, а сверху — то самое мороженое, о котором мечтала ещё со вчерашнего дня — сладкое, холодное спасение от суеты.

Добравшись до своего дома у озера, она ожидала тишины и уединения, но жизнь нашла ее и здесь. Всего в пятистах метрах, за небольшой рощицей, она заметила гостевые домики, которые до этого момента не видела. Сейчас они буквально бурлили: туда-сюда сновали шумные компании, по озеру, разрезая зеркальную гладь, проносились моторные лодки, а у берега группа молодых ребят лихо балансировала на сапбордах, стараясь не упасть в воду под хохот друзей.

Мир вокруг перестал быть местом для одиноких раздумий. Браслав проснулся, вошел в кураж и требовал от нее того же. Сегодня здесь будет по-настоящему жарко.

Незнакомец

Шум фестиваля, этот нарастающий гул чужой радости, казался Алине чем-то инородным, вторгающимся в её тихую гавань. Хотелось спрятаться, раствориться в безмолвии озерной глади, отгородиться от всего мира невидимой стеной. И природа, будто услышав её мольбу, словно в ответ на её мысли, сменила гнев на милость. Жара спала, уступив место мягкому, бархатному теплу, которое обволакивало кожу, словно нежный шелк.

Вода в озере оставалась по-летнему ласковой. Она нырнула, и прохлада мгновенно смыла остатки дорожной усталости. Окунувшись с головой, Алина на пару мгновений оказалась в абсолютном вакууме — никакой музыки, никакого шума моторов, только приглушенный плеск волн в ушах. Выбравшись на деревянные мостки, она расстелила плед, и, не теряя ни секунды, надела наушники. Включила свой любимый плейлист: тягучий эмбиент²³, переходящий в глубокие, медитативные ритмы. Теперь остальной мир мог сходить с ума как хотел — она была в своей крепости.

Солнце приятно припекало плечи, заставляя мышцы расслабленно растекаться по доскам. Она закрыла глаза, погружаясь в музыку, и чувствовала себя так, будто плывет по вол-

²³ Эмбиент — стиль музыки, создает атмосферу спокойствия и погружает слушателя в уникальное звуковое пространство.

нам звука. Время потеряло счет. Периодически Алина открывала один глаз, лениво наблюдая за тем, как жизнь бурлит по ту сторону ее «острова».

На воде разворачивалось настоящее шоу. Молодые, загорелые, полные неумемной энергии ребята пытались укротить сапборды. Это было похоже на комедию положений: один парень, высокий и широкоплечий, так старательно греб, что на очередном повороте потерял равновесие. Он смешно взмахнул руками, словно пытаясь взлететь, его ноги разъехались в разные стороны, и он с громким всплеском, подняв веер брызг, рухнул в воду. Его подруга, наблюдавшая за этим с берега, звонко рассмеялась, и даже через музыку Алина услышала, как заразительно она хохотала. Другие тоже пытались встать на сапборд, покачиваясь, как марионетки на невидимых нитях. Кто-то забавно балансировал, выставив руки в стороны, словно канатоходец, и с победным криком все же падал, едва лишь доска слегка кренилась под весом.

Алина улыбнулась. Эта неловкость, эта борьба с гравитацией казались такими искренними и забавными.

Освежившись еще раз, она снова вылезла на мостки, вытирая лицо краем полотенца. И тут ее взгляд зацепился за нечто иное. Недалеко, в метрах пятидесяти от берега, где вода казалась почти черной от глубины, скользил кто-то другой.

Там не было суеты. Там было движение, больше похожее на танец.

Незнакомец стоял на сапборде под небольшим, ярко-белым парусом. Он двигался против ветра — или, может быть, умело ловил его каждым движением тела. Это было поразительно красиво: стройная мужская фигура, напряженные мышцы спины, которые отчетливо проступали под кожей при каждом повороте паруса. Он не боролся с водой, он сливался с ней. Доска плавно разрезала поверхность озера, не поднимая ни единой лишней капли, оставляя за собой лишь тонкий, быстро исчезающий след.

Он шел грациозно, уверенно наклоняясь корпусом, перенося вес с ноги на ногу, словно был продолжением этого снаряда. Это было похоже на полет альбатроса над водой — спокойно, мощно и завораживающе. Алина затаила дыхание, невольно забыв о своей музыке. На мгновение ей показалось, что она сама стоит там, на доске, чувствует под ногами упругость материала, а в руках — натянутый ветром парус, который рвется вперед, в открытую синь.

Внутри что-то шевельнулось — забытое желание попробовать, рискнуть, почувствовать эту власть над стихией. Быть не просто наблюдателем, а частью этого потока.

Мужчина на горизонте сделал красивый маневр, поворачивая борт, и на секунду она увидела его профиль. Силуэт казался почти мифическим на фоне золотистого солнечного света. В этот момент суэта фестиваля, шум города и даже ее собственные тревоги показались чем-то бесконечно далеким и не столь важным.

Белый парус на горизонте казался Алине сейчас чем-то вроде маяка в тумане — он указывал путь к спокойствию, в котором она с наслаждением пребывала в данный момент. Но идиллию разрезал резкий звук ее телефона.

Телефон, лежавший на нагретой доске, завибрировал, словно испуганное насекомое. Взгляд метнулся к экрану: «Костя».

Магия момента, которую она так бережно выстраивала последние два часа, рассыпалась в прах. Алина нехотя провела пальцем по экрану и приложила телефон к уху.

— Привет, сестренка! — голос Кости, как всегда, ворвался в пространство с напором весеннего половодья. — Пляши! У меня отличные новости. Сегодня идем на открытие фестиваля! Вся элита города будет там, музыка, фуршеты, всё как полагается. Тебе нужно развеяться, а то ты совсем закисла в своем уединении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.